Принц с опасной родословной

Автор:
Мария Жукова-Гладкова

Принц с опасной родословной

Мария Жукова-Гладкова

Следствие ведет журналистка #2

Отчаянная и бесстрашная Юлия Смирнова, журналистка по профессии и по призванию, делала все возможное, чтобы вытащить из тюрьмы своего возлюбленного, бизнесмена Сергея Татаринова. Проникнув среди ночи в «Кресты» на тайное свидание, она никак не могла понять, почему Сергей ей совсем не обрадовался… А вскоре Юля с удивлением узнала, что Татаринов в ту ночь убил человека и оружие ему принесла не кто-нибудь, а она сама! Но кто и зачем пытается их подставить?

Мария Жукова-Гладкова

Принц с опасной родословной

Автор предупреждает, что все герои этого произведения являются вымышленными, а сходство с реальными лицами и событиями может оказаться лишь случайным. Все, происходящее в романе, – исключительно плод авторского воображения.

Пролог

Я стояла на правом берегу Невы, на Арсенальной набережной, у известных на весь мир «Крестов» и давала указания Пашке, своему оператору. Пашка, как и обычно, маялся «после вчерашнего». Но, опять же как и обычно, знал: у меня для любимого оператора приготовлено в машине пиво. Правда, пиво будет только после удачно сделанной работы. Поэтому Пашка строго следовал моим указаниям и камеру в руках держал крепко, причем молча.

Я думала о Сергее, так и оставшемся в тюрьме, – мужчине, которого я люблю и который волею судьбы-злодейки оказался в этом здании из красного кирпича. Возможно, он видит меня в эти минуты или увидит вечером, когда программа пойдет в эфир. Он знает, что я стараюсь в первую очередь для него – ну и, конечно, для его многочисленных товарищей по несчастью, томящихся сейчас в «Крестах», других тюрьмах, изоляторах, колониях…

Когда мы с Пашкой уже собрались уходить, ко мне подошел незнакомый мужчина неопределенного возраста – от сорока до шестидесяти, – откашлялся и спросил:

– Вы ведь Смирнова, да?

Я кивнула и внимательно оглядела мужчину. Одет он был в старые джинсы и болоньевую куртку, явно купленные где-то в секонд-хенде, если вообще не найденные на помойке. Или куртка осталась с советских времен? Вроде у моего покойного деда когда-то была такая… Шарф отсутствовал, как и рубашка, в вороте куртки проглядывал свитер. Потрепанные ботинки видели не один сезон. На голове – давно вышедший из моды «петушок». Перчаток не было, но руки говорили о многом… Вернее, синяя роспись по ним.

Он заметил, куда направлен мой взгляд, и усмехнулся:

– Видала такое?

Я опять кивнула. В последнее время, после того как я стала работать по тюремной тематике, насмотрелась.

– Вы мне не подскажете, где тут передачки принимают? – спросил мужик. – А то я всегда как-то… с другой стороны забора был. – Он опять усмехнулся.

В руке он держал авоську, по виду совсем не тяжелую. А женщины в зал приема передач обычно с такими баулами приходят… Часто все тридцать килограммов сразу и несут – чтобы лишний раз не стоять в очереди и не покупать ее. Пребывание члена семьи в тюрьме и так обычно бывает накладно для родственников.

Я показала и, конечно, спросила, что привело мужчину на Арсенальную на этот раз. Первый раз по собственному желанию?

– Ага, – кивнул он. – К приятелю. Вот собрал тут немножко… Нет у него никого. Женщины нет… Очень важно, чтобы тебя ждала женщина.

– На интервью согласитесь? – спросила я. – Перед камерой?

– Да мне говорить-то нечего… Судьба у меня самая заурядная.

– А о женщинах?

– О женщинах… Женщины разные бывают. – Он задумался, явно что-то вспоминая. Я не торопила.

А потом он сказал мне, что, по его мнению, наши женщины делятся ровно пятьдесят на пятьдесят. Половина ждет своих мужчин, пишет им письма, носит передачки, добивается свиданий, в Сибирь нужно было ехать – ездили. Во все века. Нынешние, живущие в Питере, приходят на Арсенальную и перекрикиваются со своими мужчинами, срывая голос. Вторая же половина, узнав, что мужа повязали, тут же подает на развод, забывает о нем, вычеркивает из жизни. Вроде он как умер… Вроде как и не было ничего…

Я невольно подумала о Сергее. Все так и есть. Его законная жена тут же подала на развод, я хожу к «Крестам»…

Женщины прячут беглых зэков, кормят, дают одежду, делят с ними постель, зная, что, скорее всего, они их никогда больше не увидят. Но это только половина. Вторая половина сдает.

Одни переписываются с заключенными, вторые, помещая объявления в рубриках «Знакомства», указывают: «Из м.л.с. просьба не беспокоить». Ни при каких условиях они не будут знакомиться и переписываться с зэком. А другие жалеют.

– У русских женщин – примерно половины – любовь из жалости, – сказал мне мужчина.

– Думаете, у половины?

– Ну, за точность цифры не берусь, но таких много… Очень много. И ведь у вас она тоже из жалости, правда? Я ведь слежу за вашей историей. Вашему мужчине повезло. Сейчас. Но вы уверены, что он вам будет нужен после того, как откинется?

Я закрыла глаза. Я никогда об этом не задумывалась, а вот человек, который вживую видит меня впервые, пожалуй, правильно оценил ситуацию. Может, потому что за свою жизнь он насмотрелся немало похожих историй?

* * *

Он позвонил в звонок. На этот раз Тамара не открыла. Он вспомнил, как они познакомились в Германии… В Россию они вернулись вместе. Она смотрела ему в рот, старалась угадывать любое желание. Вся ее жизнь вертелась вокруг него, он был центром ее вселенной, ради него Тамара отказалась от прежней жизни, от всех перспектив.

Он открыл дверь своим ключом, чего не делал уже давно – с тех пор, как Тамара стала жить у него.

– Тамара? – спросил он.

В ответ – тишина. Только телевизор работает где-то в глубине квартиры.

Он пошел вперед на звук работающего телевизора, толкнул ногой дверь в малую гостиную своих огромных апартаментов и замер на пороге. Потом бросился к Тамаре, понимая: она мертва и он ей все равно ничем уже не поможет.

Ее красивое лицо не пострадало, его исказила гримаса боли. И открытые мертвые глаза смотрели в потолок… Он закрыл их чисто автоматически. А потом в ужасе уставился на огромный кухонный нож в ее груди. Их нож, из набора, который они покупали вместе с Тамарой…

На какое-то мгновение – или несколько мгновений – он оглох и не слышал никаких звуков. Ни этого треклятого телевизора, ничего… А потом до сознания донесся вой сирены… Так, значит…

Он не успел додумать: в дверь уже звонили. Он все понял. Подстава. Как ловко его подставили. Но кто?!

Он наклонился, поцеловал ее в холодные, мертвые губы – в последний раз, им ведь больше не удастся проститься – и пошел открывать. Ему теперь было все равно. Хотя… Он должен выяснить, кто это сделал! Он начал оживать. А в дверь уже колотили ногами. Сейчас ее будут ломать. Но ничего. Сделана-то она надежно.

– Костя! – Он связался с верным другом и своей правой рукой. – Мусора ломают дверь. Их кто-то вызвал.

– Что?! – взревел Костя. – Откуда?! – потом быстро взял себя в руки. – Сейчас буду. С Зиновием Яковлевичем. – Это его адвокат, впервые защищавший его еще по малолетке.

Он сам открыл дверь. Квартира быстро наполнилась незнакомыми людьми. Ему, конечно, заломили руки. Вопросы под протокол, вспышки, идиотские комментарии и ментовские шуточки… Однако бить не решались. Теперь он не пятнадцатилетний мальчик, пойманный на краже. Он известный в городе человек. С деньгами, связями, властью.

А потом он снова услышал звук так и работающего телевизора. Он понял, почему услышал: вся следственная бригада уставилась в экран, прекратив разговоры. Эта стерва Смирнова вещала про любовь из жалости. Сразу после гибели Тамары видеть морду этой дряни… Нет, ну почему нельзя было переключить на какой-то другой канал? На нормальных женщин, а не эту… Слов он не находил. Он всегда не мог ее терпеть, с самого начала, как она стала появляться в эфире. Бывает, кто-то из тележурналистов, комментаторов, актеров дико раздражает. Не всегда

даже можно вразумительно сформулировать почему. Хотя он мог объяснить, почему невзлюбил Смирнову. Но и тут примешивались эмоции, не объяснимые логически. Он всегда любил покладистых и покорных женщин. И не стерв. Эта же – судя по репортажам – пролезала в любую дырку без мыла, совала свой любопытный нос куда не следует, да и на роже, как ему казалось, у нее просто было написано большими буквами: «А вот такая я маленькая дрянь». В последнее время она еще стала работать на Сухорукова, с которым у него всегда были трения. А друг (или пресс-атташе? Ха-ха!) моего врага – мой враг.

Бригада обсуждала, не позвонить ли Юленьке. Юленьку, оказывается, все знают, любят и уважают. Ну конечно, она же рассказывает о самоотверженной работе доблестных органов. И одновременно работает на Сухорукова. И как этой стерве удается все это совмещать? Как ей еще голову не оторвали? Или Сухоруков, меценат хренов, теперь еще и все органы спонсирует? И Юленька, и органы работают на одного хозяина, и это совсем не государство, а ныне банкирствующая звезда экрана и просто хороший человек Иван Захарович, правда, неоднократно судимый?

Но только здесь ее и не хватало! Как катафалка на свадьбе. Он уже собрался возмутиться, но тут появилось ментовское начальство, почтившее операцию личным присутствием. Начальство сказало: никаких журналистов. Об его аресте в СМИ сведений не давать до особого распоряжения.

«Но Смирнова может докопаться», – подумал он. Или ей сообщат. По ее каналам. Хотя бы эти, из следственной бригады. Прикормленные Сухоруковым. Или зная, что Иван Захарович в долгу не останется. Но у него тоже есть свои журналисты. Теперь, слава богу, все покупается и продается. Акул пера и их начальство можно брать оптом. И становиться истинным начальником. И давать народу любую информацию. Ту, за которую заплачено. А не организовать ли ему кампанию в свою защиту? Надо будет подать идейку Косте.

Если, конечно, Сухоруков не придумает что-то свое. Не этот ли старый жук, кстати, постарался? Ивану Захаровичу было бы выгодно его подставить.

В таком случае следует ждать Смирнову. Эта стерва-то уж каким-нибудь образом да получит разрешение на интервью. Если, конечно, все подстроил Иван Захарович.

* * *

Нет, нет и нет. Он никогда больше не поедет в эту дикую, варварскую, криминальную страну. Ладно бы медведи по улицам ходили. Что такое медведь по сравнению с тем, что ему пришлось пережить? Он, Отто Дитрих фон Винклер-Линзенхофф, немецкий барон, чей род приносил славу Германии на протяжении нескольких веков, вместо того чтобы идти в полицию, стирал свои отпечатки пальцев, правда, на месте чужого преступления, которое, как ему пояснили, вполне могут повесить на него. Если не сотрет свои отпечатки пальцев и быстро не смоется. Что за слова в этом языке? Сколько слов обозначают одно и то же понятие! Но ему пытались объяснить оттенки значения. Убегать, смываться, сматываться, делать ноги, рвать когти… Причем тут когти?! У него никогда не было когтей! Или у этих русских есть когти? Хотя для того, чтобы жить в этой кошмарной стране, когти просто необходимы.

Он должен успеть на самолет. Но вначале он должен выпить. Того, что никогда не подадут в салоне «Люфтганзы». Ни в одном салоне ни одного самолета компаний, которыми он летал. Надо выпить что-нибудь из того, чем его угощали в России. Например, ерш. Ерш – это как раз то, что сейчас нужно немецкому барону для снятия стресса. Чтобы спокойно добраться до родового замка, в котором жили его достопочтенные предки на протяжении многих поколений, и предстать перед мамой. Она опять будет его ругать и говорить, что он должен жениться и подарить ей внука, наследника древнего рода Винклер-Линзенхоффов… Мама хочет, чтобы он женился на приличной немецкой девушке или девушке из известной европейской семьи… Многие будут гордиться оказанной им честью. Многие мечтают породниться с Винклер-Линзенхоффами.

Но разве все эти приличные девушки могут его заинтересовать после того, как он познакомился с русскими?! Совсем не приличными… В понимании мамы. С Тамарой, Светланой и Юлией. Нет, с Юлией он не успел познакомиться лично, только видел ее на экране. Но барон теперь знал, как рождаются истории о женщинах в русских селеньях. Эти трое, правда, все из Петербурга. Но горящие избы по ним плачут. Так, кажется, говорят в этой удивительной России?

* * *

– Чего это Смирнову на любовь потянуло? – лениво спросил Кактус, развалившийся перед телевизором справа от шефа.

– У кого что болит… – многозначительно ответил Иван Захарович, задумался и вдруг сказал: – А вообще-то все так и есть. Чтобы получить любовь русской бабы, надо ее на жалость пробить.

– Это Смирнову-то? – подал голос Лопоухий.

– А разве нет? Чего она Серегу-то вдруг возлюбила? Ей его стало жалко. Знаете, когда я впервые понял, что у многих наших женщин любовь возникает из жалости? Мне тогда лет пятнадцать было, я ногу сломал и в больнице лежал. А на соседней койке мужик лет сорока, в отцы мне годился. Так вот к нему жена каждый день бегала, то супчик носила, то еще что… А нам он рассказывал, что, когда здоров, она только и пилит его по всяким пустякам, и ругает, и такой он рассякой-разэтакий, а как заболеет – так Витенька-Витюшенька, ухаживает так, что выздоравливать не хочется. И потом я где-то через полгода увидел его на улице. Его, слегка поддатого, эта заботливая наседка гнала домой, держа в руке ножку от стула…

– Думаете, Смирнова Татаринова потом скалкой или чем-то подобным лупить будет? – усмехнулся Лопоухий.

– Ты Смирнову со скалкой представить можешь? – серьезно спросил Иван Захарович, видимо, пытаясь создать в мозгу картину хрупкой Юлии с этим предметом.

– С чем угодно могу! С волыной[1 - Волына(блат.) – пистолет (прим. автора).], гранатометом, дубиной, сковородкой и другими подручными средствами. Разве не так, Иван Захарович?

– Так-то оно так…

– Шеф, в «Крестах» пари заключают. И в ментовке. Выдернет она его – не выдернет, – подал голос Кактус.

– А вы бы на что поставили, орлы? – Иван Захарович посмотрел вначале на одного, потом на другого оруженосца.

– Ну мы… – стушевались парни. – Мы как вы…

– Если б она не против меня шла, я бы на нее сам поставил, – сказал свое веское слово Иван Захарович. – А вообще жизнь без нее была бы пресной.

Глава 1

На Арсенальной набережной, аккурат напротив дома номер семь (вернее, не дома, а большого тюремного комплекса, известного в народе как «Кресты»), собралась толпа. С каждой минутой подтягивались все новые и новые лица.

Иван Захарович проводил свою очередную пресс-конференцию. С господином Сухоруковым меня уже неоднократно сталкивала жизнь. Наши пути пересеклись, когда мой любимый мужчина (ныне парящийся в «Крестах») замахнулся на деньги Ивана Захаровича. Потом Иван Захарович, которому регулярно хочется развлечься (все у него есть, денег хватит на несколько поколений, поэтому периодически его одолевает скука), решил, что я способна его скуку развеять, да и следить за мной нужно – чтоб не выкинула фортель, не влезла куда не надо, а освещала как раз то, что требуется Ивану Захаровичу. Поэтому он объявил меня своим пресс-атташе. Решил: ему спокойнее, если я на него работаю.

Иван Захарович провел не одну пятилетку в строгой изоляции, в перерывах успел приложить свои многочисленные таланты в различных сферах. И чем он только не занимался… По-моему, он мог делать деньги из воздуха. Начинал с металлолома, курями заморскими торговал, машинами, наркотиками, пытался пролезть в депутаты (Госдумы), не прошел, понял, что вначале следовало создать свою партию, хотел построить элитный следственный изолятор – не дали, он заимел свой банк и теперь известен в первую очередь как банкир… В интервью он всегда говорит, что ему довелось поработать на Севере, правда, никогда не уточняет, кто подписывал контракт с другой стороны.

Я не знаю точно, сколько ему лет, но он однозначно годится мне в отцы. В последние годы он стал немного сентиментален – или скорее тщеславен. По его словам, он, как коренной ленинградец (наш город ему приходилось покидать только по принуждению, в основном в строго восточном направлении; в противном случае, по его признанию, он никогда бы никуда больше не поехал

жить), хочет сделать городу подарок. Как мне кажется, в глубине души Сухоруков лелеет мысль оставить о себе память на века – как Растрелли, Росси, может, даже Петр Первый.

И вот последней его идеей стало строительство моста – хотел он его перекинуть с Арсенальной набережной (от дома семь, естественно) на набережную Робеспьера. Для этой цели он и собрал пресс-конференцию, правда, из журналистов пригласил только меня с оператором Пашкой. Пашка – как и всегда – был слегка под градусом, что, однако, никогда не сказывалось на качестве его работы. Пашка – оператор от Бога, но, как и большинство талантливых русских людей, водит давнюю и тесную дружбу с зеленым змием. И ничего тут не попишешь…

У «Крестов» всегда много народу. И вот сейчас этот народ и придвигается к нам все ближе и ближе. Тем более Сухорукова многие в нашем городе (и уж тем более те, кто по какой-либо причине оказался в районе Арсенальной, 7) знают в лицо – кто в каком качестве, правда, сейчас он в основном мелькает на экране телевизора в роли новорусского Саввы Морозова, но ряд старых сотрудников тюрьмы встречали его и в молодые годы. Меня тоже знают – как-никак веду «Криминальную хронику» да и пописываю в «Невских новостях», опять же на криминальные темы. Пашкину физиономию не знают – он всегда с другой стороны телекамеры, но явно догадываются, кто он такой и зачем прибыл.

Сопровождающие Сухорукова – верные оруженосцы Лопоухий с Кактусом – стали известны и массовому зрителю. Благодаря моей скромной персоне – не отрицаю. Сниматься им, видимо, понравилось (или это возвысило их среди друзей и подняло интерес подруг?), так что сейчас они так и норовят втиснуть свои протокольные рожи в кадр. «Уши не влезают», – так и подмывает меня ехидно шепнуть Лопоухому, Кактуса же вообще можно снимать в фильме ужасов без грима… Но я мило улыбаюсь их шефу и задаю вопросы.

К нам подтянулись несколько усталых женщин средних лет, наверное, только что из зала приема передач. Три молодые, пожалуй, пытались докричаться до своих мужчин или просто приходили, чтобы те увидели их из-за зарешеченных окон. Я бросаю взгляд украдкой на стены из красного кирпича. Да, к окнам прильнули многочисленные лица. Конечно, все смотрят на то, что тут происходит. Наверное, смотрит и Сергей… Не подтянется ли какая-нибудь патрульная машина? А то и «маски-шоу»?

Вместо них из КПП выходят двое вертухаев – или инспекторов ОРО (отдела режима и охраны), как их официально именуют в «Крестах». Правда, от названия суть не меняется. Но что они нам могут сделать? Просто послушают. А остальные вечером посмотрят в «Криминальной хронике». Я вместо хроники дам интервью Ивана Захаровича. Не сомневаюсь – оно вызовет не меньший интерес. И, пожалуй, больший резонанс.

Сухоруков также заметил вертухаев и, как только они оказались в пределах слышимости, стал вещать о побудительных мотивах, объясняя, почему он вдруг решил строить крестовский мост.

По его словам, он беспокоится о бедных сотрудниках наших правоохранительных органов. Приходится несчастным гонять спецавтозак в обход, бензин расходовать, которого у них обычно нет, а так – прямехонькая дорожка из старой части Питера, где у нас одни из самых дорогих квартир… Через мост – и к КПП. Или лучше к воротам, в которые въезжает автозак. Насчет точного места Сухоруков пока не определился. Думает выслушать пожелания всех заинтересованных сторон. Но, в общем, куда-то сюда. И здравствуйте, господа. Эти стены давно о вас плачут.

– Лучше к воротам, – заметил один из вертухаев. Услышав его мнение (у меня вообще уши – локаторы, несмотря на их скромные размеры в сравнении с размерами одного знакомого, не будем показывать на него пальцем), я тут же развернулась и сунула микрофон ему под нос.

– Несколько слов для «Криминальной хроники», – я изобразила свою самую обворожительную улыбку.

– Не надо меня снимать, – пробурчал вертухай.

– Просто повторите, что вы только что сказали, – снова улыбнулась я. – Пожалуйста! А потом попрошу остальных граждан высказать свое мнение о лучшем месте для строительства моста.

Не дав вертухаю вымолвить ни слова, передо мною возникла юная особа лет двадцати двух, не более, в юбочке, заканчивающейся, не успев начаться (это несмотря на то, что до лета еще очень далеко, а по Арсенальной гуляет пронизывающий ветер), и пропела в камеру (в смысле в ту, которую держал

Пашка, хотя, подозреваю, для того, чтобы в другой камере ее любимый увидел ее по ящику), что она предложила бы известному в городе меценату, непрестанно думающему о людях, вместо моста построить тоннель.

– Это как под Ла-Маншем? – спросила я.

– Где? – удивленно вскинула на меня умело выщипанные бровки девушка.

– Я понял. – Мне на плечо легла сухоруковская лапа и чуть его не сломала, разворачивая меня вместе с микрофоном. Пашку не очень вежливо развернул Лопоухий, после чего Иван Захарович с «мальчиками» опять заулыбались в камеру.

Сухоруков (теперь вежливо) поблагодарил юную особу за идею и высокую оценку его доброго сердца и широкой души и заявил, что сам уже подумывал о тоннеле, но, к сожалению, не все в городе с пониманием относятся к людским нуждам. И только простые люди, униженные и оскорбленные, знают: Иван Захарович – один из немногих, кто болеет за них всей душой.

Женщины средних лет достали платочки и вытирали слезы умиления. Иван же Захарович стал вспоминать свою предыдущую инициативу (со строительством изолятора), когда он получил широкую поддержку масс, но не был поддержан городским правительством и членами Законодательного собрания, за небольшим исключением (у нас в ЗакСе все-таки встречаются депутаты с понятиями). А ведь многие серьезные люди были готовы вложиться в тот проект, видимо, не исключая, что самим придется поменять палаты каменные на жесткие нары.

– Тоннель под Невой, с Арсенальной на Робеспьера – моя голубая мечта, – вздохнул Сухоруков перед телекамерой, быстро присваивая себе идею девушки. – Была бы новая достопримечательность Санкт-Петербурга. Так хочется что-то сделать для города, для людей. Что-то хорошее, чтобы люди от души порадовались.

Я представила, как люди, сидящие в «Крестах», будут радоваться сегодня вечером, посмотрев это интервью. Телевизоры, конечно, есть не во всех камерах, но не сомневаюсь: об инициативах известного в городе и в особенности «за забором» человека сообщат по тюремной почте всем.

– Иван Захарович, – откашлялся уже выступавший инспектор ОРО. – Вы это…

– Да? – встрепенулся Сухоруков, мечтательность, с которой он только что смотрел на другой берег (под зорким оком телекамеры), с лица (то есть рожи, которой нечистую силу в хлеву пугать можно) слетела, он опять принял деловой вид. Правда, не первый день зная Ивана Захаровича, я думала, что ему уже страшно хочется дать кому-нибудь в морду. Кандидатурой, пожалуй, может стать вертухай – по крайней мере, очень подходит для этого. Но вертухаю повезло: перед телекамерой Иван Захарович даже не сделал ни одной попытки почесать кулаки о его физиономию. Волевой человек. Представляю, каких усилий ему это стоило.

Кстати, слушая выступления Ивана Захаровича, я всякий раз думаю, как же воровские авторитеты, заделавшиеся бизнесменами, банкирами и политиками, наловчились речи толкать: ни одного матерного слова, ничего по фене. Прямо хоть сейчас в британскую палату лордов.

Пашка развернул телекамеру на вертухая, я тоже повернулась.

– Тоннель, конечно, хорошо бы прокопать, но можно и кое-что добавить… – задумчиво произнес вертухай. – Вот если тут тумбы поставить – ну как на Робеспьера, где сфинксы… И из тумбы в тумбу. И деньги можно брать за посещение. Туда музей «Крестов» перенести. Ну, как у нас под площадью Победы… А?

– Хорошая мысль, – кивнул Сухоруков задумчиво. – Сразу видно, что вас, как и меня, волнует судьба города.

– А сфинксов тут поставить не желаете, Иван Захарович? – спросила я. – Голову одного можно было бы с вас слепить.

– А второго? – прошипел Сухоруков. По-моему, у него в очередной раз возникло желание меня придушить, и он еле сдерживался, впрочем, как и верные оруженосцы. Вон Кактус уже потянул ручки ко мне, только вовремя остановился.

– Референдум провести, – сказала я, потом улыбнулась в телекамеру: – Уважаемые телезрители, мы будем очень рады, если вы выскажете ваши

пожелания. С кого лепить голову сфинкса для установки на Арсенальной набережной? Пожалуйста, звоните по телефонам, указанным на экране, или пишите на адрес, указанный на последней странице еженедельника «Невские новости». Все ваши пожелания я передам нашему меценату, одному из самых известных людей нашего города Ивану Захаровичу Сухорукову.

– Сука, – пробурчал Иван Захарович себе под нос. Но в камеру улыбался, излучая благодушие.

– Это я вырежу, – также тихо ответила я.

– Ладно, все, на сегодня хватит, – объявил Сухоруков. – Пашка, выключай свою машину. Юля, сама знаешь, что монтировать. Вечером посмотрю – позвоню. И гляди у меня! – Сухоруков погрозил мне пальцем как проштрафившейся семикласснице. Всем своим видом я изобразила готовность следовать указаниям покровителя.

– Сам такой, – сказала я и отвернулась. При всем честном народе напоминать Сухорукову о Сереге не хотелось.

А вообще, у него в камере есть телевизор, и он сегодня увидит это интервью. Но почему мне больше не дают с ним свиданий? Или это опять распоряжение Сухорукова? Почему дело не сдвигается с мертвой точки? Словно о моем мужчине все забыли…

Не пора ли мне встретиться со следователем, которого мне, кстати, пока не довелось ни разу увидеть. Или он специально от меня скрывается? Фамилию-то я знаю от своего знакомого опера Андрюши, регулярно поставляющего мне информацию для репортажей, правда, также использующего меня в качестве бесплатного такси. Но за все надо платить, верно?

В общем, решено. Следака найду. Выслежу. Тем более я знаю, сколько он хотел получить с Сереги за оправдательный приговор… Но почему-то отказался. Просто так от двадцати тысяч долларов не отказываются. Должны быть очень веские основания. И я их выясню. И предложу больше. К тому же теперь деньги у меня есть. Все из тех же злосчастных двух миллионов, в покушении на которые Серегу подозревал Иван Захарович.

Историю любви Смирновой и Сергея Татаринова он узнал в камере. Личная жизнь этой стервы его раньше нисколько не интересовала, сейчас она его, правда, тоже не интересовала, но нельзя было про нее не узнать, когда это обсуждали все сокамерники. В особенности перед выходом в эфир «Криминальной хроники».

Смирнова брала интервью у этого мецената хренова, который теперь мост решил строить. Правда, все сокамерники восприняли идею на ура: Сухоруков о людях думает, видите ли.

Если бы они знали Сухорукова так же хорошо, как он…

Он впервые увидел его рожу на стенде крутых. В каком году это было? В советские времена в колониях всегда устанавливали стенды – ударников лагерного производства и склонных к побегу. Появиться в ряду ударников считалось западло, а вот среди склонных к побегу… Это были герои. Это было почетно. На тех, кто удостоился висеть на стенде крутых, смотрели с восхищением.

И Сухорукову это восхищение пришлось по душе. Вон как старается. Чтоб теперь весь пятимиллионный город им восхищался и гордился.

Он узнал также, что вначале народ пари заключал: свернет Сухоруков Юленьке шею или не свернет за ее активность. Или хотя бы приложит отеческую руку к челюсти. Испортит товарный вид, так сказать. Те, кто считал, что свернет шею, продули. Правда, те, кто считал, что не свернет, тоже не могли предположить, что он ее своим пресс-атташе сделает. Ишь какие слова народ выучил! Один сокамерник даже высказался, что Юлечкино лицо, мол, – это народное достояние. Не лицо у нее, а наглая, стервозная журналистская морда, – хотел поправить он, но сдержался. Ему вообще хотелось охарактеризовать Юлечку одним кратким словом, известным русскому человеку с детства. Понятным всем, лаконичным и объясняющим суть Юлечкиной натуры – независимо от того, с кем она там сейчас спит и спит ли вообще.

– Может, она так освобождение своего мужика отрабатывает? – высказывались предположения. Но были и другие мнения: Иван Захарович – человек, умудренный богатым жизненным опытом, решил, что лучше со Смирновой дружить, от нее пользы много, если она на тебя работает, и вреда, если не на

тебя. И еще он понял из разговоров: эта стерва никого и ничего не боится.

А если?..

Что ей нужно? Освобождение ее мужика. За это она, пожалуй, пойдет на многое. На все. Может, ему тоже начать ее использовать? Пусть стерва, пусть дрянь, но дело-то – превыше всего. Только нужно хорошо подумать, как именно использовать…

Глава 2

Сан Саныча – так звали следователя, ведущего (вернее, в последнее время забросившего) Серегино дело, – я ждала у места его постоянной работы, притаившись в своей «шестерке» не первой молодости. Оделась поскромнее, нацепила черные очки и светлый парик – вот она, обратная сторона известности. На улицу теперь со своей рожей не выйдешь, чтобы не задали какого-нибудь идиотского вопроса. Правда, чаще всего людей интересует, сколько я получаю.

Мой знакомый опер Андрюша описал Сан Саныча довольно точно – я сразу его узнала, как только увидела. Вид у него был такой, словно его только что пыльным мешком по башке стукнули. Слегка сутулящийся очкарик лет пятидесяти на вид, в помятом костюме, выглядывающем из-под турецкой куртки из грубой кожи, брюки сзади забрызганы грязью (хотя на улице сухо), ботинки давно не чищены… На лице и шее – несколько порезов от бритвы. Как выяснилось в дальнейшем, он наносит их себе регулярно по утрам, когда супруга заглядывает в ванную с советами, какими трупами ему заниматься и как проводить следственные эксперименты. Я хотела посоветовать воздействовать на супругу самоперерезанием горла (конечно, только верхнего слоя кожи – чтоб просто кровушку пустить), но сдержалась, вовремя поняв, как Сан Саныча достали женские советы.

И этот хмырь хотел двадцать тысяч баксов? Куда он деньги девает? Или ему никто не дает? В первый раз решил хапнуть, а ему раз – и по лапкам. Ничего, я дам – только бы с Сереги сняли все обвинения.

Я закрыла машину и тронулась вслед за Сан Санычем. Он, судя по всему, направлялся к метро. Когда мы немного отошли от здания, где Сан Саныч трудился на благо государства, я догнала его и дотронулась до локтя. Следователь подпрыгнул как ужаленный, в ужасе уставился на меня, потом стал озираться по сторонам, не заметил ничего опасного для себя (народ вообще не обращал на нас никакого внимания) и вновь вылупился на меня.

– Вы кто? – спросил почти шепотом.

– Смирнова. Юлия Владиславовна.

Я приподняла парик, взглянула на Сан Саныча поверх очков и, подражая Владимиру Ильичу, сказала:

– Конспигация, батенька, конспигация.

Сан Саныч посмотрел на меня так, будто я сказала, что являюсь внебрачной дочерью Бен Ладена или – еще хуже – родственницей Моники Левински, и попросил документ, удостоверяющий личность. Я с обворожительной улыбкой заметила, что в наше время подлинность документа совсем не гарантирует подлинность предъявляющего, но моя физиономия, регулярно появляющаяся на телеэкране, должна послужить для следователя удостоверением личности. Он кисло улыбнулся – я разрядила обстановку, – успокоился, потом кивнул и уточнил:

– Вы одна?

– Как видите.

«Или у него в глазах двоится?» – добавила про себя. Судя по виду, Сан Саныч, как и оператор Пашка, дружбу с зеленым змием водил и, похоже, встречался с ним вчера. Оказалось, он как раз направлялся на встречу с ним и сегодня – в ближайший пивбар, куда предложил сходить и мне.

– Я за рулем и вообще практически не пью, но компанию вам составлю и даже угощу пивом.

– Нет-нет, что вы, Юлия Владиславовна, – запротестовал Сан Саныч. – Так нельзя… Я не могу допустить, чтобы за меня платила женщина.

Услышав эту фразу, я посмотрела на него повнимательнее. Этот человек вымогал у Сереги двадцать тысяч долларов? Или он передо мною ваньку валяет? Ладно, посмотрим.

Я подхватила Сан Саныча под руку, но прогуляться по улице как шерочка с машерочкой нам не удалось: Сан Саныч отдернул руку, словно я его ошпарила.

– Что с вами? – спросила я.

– Я не могу ходить с вами под ручку, – молвил Сан Саныч, держась от меня на пионерском расстоянии.

– Вы никак решили, что я вас домогаюсь?

– Нет-нет, что вы, Юлия Владиславовна! Бог с вами! Мне-то уж как никому другому известно, что вам, кроме Сергея Ивановича, никто не нужен и… Вы ведь из-за него пришли?

– А вы догадливы, – заметила я и взяла быка за рога: – Да, желаю изменить судьбу любимого или, по крайней мере, облегчить участь – при помощи зеленой графики, произведенной на хрустящей бумаге Казначейством известной заокеанской державы.

– Знаете что? – после размышлений сказал Сан Саныч. – А давайте-ка лучше просто погуляем. Или посидим на скамеечке. Вон в том дворике есть. Я сейчас пива куплю, и пойдем.

Мы подошли к ларьку, Сан Саныч взял себе три бутылки «Балтики»-«троечки» и пакет кальмаров, я – маленькую коробочку сока. В упомянутом дворике было три скамейки в разных местах. На одной сидели молодые мамаши, на второй курили подростки, смачно ругаясь матом и сплевывая, третья пустовала. К ней мы и направились.

– Покажите сумку, – попросил Сан Саныч, когда мы опустились на скамейку.

– Проверяете, не включен ли у меня диктофон? – усмехнулась я. – Смотрите.

Я демонстративно открыла ее и сунула диктофон в руку следователю. Он повертел его и вернул мне. По-моему, ему хотелось на него дунуть. Меня обыскивать не стал (хотя кто бы ему позволил, даже если бы и высказал такое желание), а поэтому не знал, что в сумке находился не единственный мой диктофончик и тот, что на мне, был включен… На всякий случай. А вообще в наше время, имея в своем распоряжении профессиональную аппаратуру и профессионалов, можно снять и записать все, что угодно и где угодно…

– Сколько будет стоить оправдательный приговор? – я снова взялась за дело.

Сан Саныч дернулся, потом промычал:

– Что же вы сразу в лоб?..

– А как вы хотите? – не упускала инициативу. – Я должна ходить вокруг да около? Мы с вами – взрослые люди, и вы прекрасно знаете, кто я. И я кое-что знаю, – многозначительно посмотрела на помятого мужика. – Могу поклясться, что вас никому не сдам, на Библии или Уголовном кодексе. А закон, как говорится, – это дышло, куда повернешь, туда и вышло. Почему вы отказались от двадцати тысяч баксов? Вам дали больше за то, чтобы Серега остался в тюрьме?

– Нет, мне ничего не дали, – вздохнул Сан Саныч.

– Даже по морде?

– Зачем давать по морде, когда у меня три дочери? – Мужчина сделал пару глотков пива, хотя ему в этот момент, пожалуй, больше хотелось водки.

– Понятно… – произнесла я в задумчивости.

Мы помолчали.

– Освободить Серегу можно? – наконец спросила я.

– Не знаю, – Сан Саныч опять отхлебнул пива и положил в рот кусочек кальмара. – Хотите?

– Нет, спасибо. В каком состоянии сейчас Серегино дело?

Сан Саныч пожал плечами.

– Но ведь оно же у вас в производстве!

Мужчина скорчил какую-то непонятную гримасу и как-то неопределенно передернул плечами.

– Автослесаря, который признался, что поработал с машиной, нашли, так? – не отставала я. Официальное обвинение, которое предъявили Сереге, отличалось от того, в чем его обвинял Иван Захарович. Серега был виновен в аварии, в результате которой один человек погиб на месте, а другой в тяжелом состоянии был доставлен в больницу. Сам он отделался царапинами. После этой странной аварии он и оказался в «Крестах».

Все было не так просто, как казалось на первый взгляд…

– Дело по-разному можно повернуть, – неопределенно сказал Сан Саныч.

– А освободить можно? Какую-нибудь статейку навесить на тот срок, который он уже в «Крестах» парится, и выпустить в зале суда?

– В принципе все можно.

– Что я для этого должна сделать?

Сан Саныч повернулся и посмотрел на меня, как на зубную боль.

– Юлия Владиславовна, вы должны это и без меня знать.

– Если бы знала – не спрашивала бы.

Сан Саныч долго молчал, потом тихо произнес:

– Татаринов будет сидеть столько, сколько хочет Сухоруков. Вам нужно решать этот вопрос с Сухоруковым. У вас же с ним любовь и дружба? Или как?

– Любил волк кобылу – оставил хвост да гриву, – хмыкнула я.

– Понятно…

– Что? Мне, например, нет.

– Это я так… Чтобы заполнить паузу, – стушевался Сан Саныч. – А вообще в каких вы отношениях с Сухоруковым?

– Вас интересует, сплю ли я с ним? Нет, не сплю.

– Нет, я не об этом… Он вас чем-нибудь держит?

– Без комментариев. Значит, вопрос я должна решать только с ним?

Сан Саныч кивнул. А я подумала, что все наконец встало на свои места. Я теперь знаю точно, к кому обращаться. Только вот простит ли Сухоруков Серегу? И что мне – и Татаринову – нужно сделать, чтобы простил? Или мне стоит придумать какой-то другой путь? Обходной?

Внезапно сидевший рядом со мной Сан Саныч хмыкнул. Я посмотрела на него удивленно.

– Давно хотел сказать вам, Юлия Владиславовна… Только вот возможности не было… Вы многим доставили массу приятных минут.

– Это когда?

– Когда Сухорукова по носу щелкали. Поэтому вам и не мешали. И даже помогали, когда вы к Татаринову прорывались. – Сан Саныч опять хмыкнул. – Я даже по собственной инициативе звонил этому его приспешнику – в смысле

сухоруковскому – с оттопыренными ушами. Спрашивал, можно ли вам официальное свидание дать, а то вы меня достали.

– Разве я вас доставала? По-моему, это наша первая встреча.

– Ну да, конечно. Но должен же я был что-то сказать? И Андрей Викторович несколько раз мне звонил. По вашей ведь просьбе. А вообще будьте осторожны.

– Спасибо, – тихо сказала я и задумалась, потом уточнила у Сан Саныча, кто к нему приходил.

– Герои одного из ваших репортажей. Специалисты по малявам.

– Лопоухий с Кактусом?

– Они самые.

– А почему вы?.. Ведь вы же все-таки в прокуратуре работаете.

– Ну, Юлия Владиславовна! Вы как маленькая просто. Я же сказал, что у меня три дочери. Кто их защищать будет? Органы? Против Сухорукова?

Я опять глубоко задумалась.

– То есть вы считаете, если Сухоруков даст отмашку – Серега выйдет на свободу?

– Это один из вариантов.

– Есть другие?

– У меня нет. У вас могут быть. Вы же такая находчивая. А щелкнете Сухорукова лишний раз по носу – вам помогут. Бескорыстно. Он ведь многим поперек горла. Только очень хорошо подумайте. И будьте очень осторожны.

* * *

Когда вечером я дала прослушать запись нашего разговора со следователем моим соседкам Татьяне и Ольге Петровне, обе покачали головами.

– Странный какой-то у вас разговор получился, – заметила Татьяна. – Видел он тебя в первый раз в жизни…

– Ну, положим, тут, Таня, ты не права, – заметила Ольга Петровна. – Уж он-то «Криминальную хронику» точно смотрит. И читает нашу Юлю. И Сережино дело ведет. В общем, он очень хорошо знает, кто она такая. Вопрос в том, на кого он работает.

– Точно не на государство, – хмыкнула Татьяна.

– Или хочет моими руками жар загрести, – сказала я. – Например, при помощи меня добраться до Сухорукова. Да за такое дело его тут же повысят. Он дал мне понять, что у него на Ивана Захаровича зуб. Мало ли что он там на кого-то намекал… Зуб в первую очередь у него самого.

– Да, двадцатки «зеленью» лишился, бедняга, – опять хмыкнула Татьяна. – Кстати, не вздумай ему платить, даже если и освободит Серегу. Обойдется. А ты на двадцать тысяч такой ремонт сделаешь… И машину давно пора менять.

– Угрожали его семье, – напомнила я. – А это стимул посильнее, чем деньги. Ему нужно отвести от них опасность.

– Если он Сухорукова засадит…

– Он хочет только сливки снять, – вставила Ольга Петровна. – Все чистенько-аккуратненько сделать. Чтобы комар носа не подточил. Но твоими руками, Юля. Хочет, чтобы ты подставлялась, искала подходы и все такое. Помогут тебе, видите ли. Бескорыстно. Ха-ха.

Я задумалась, потом сказала, что у меня сложилось впечатление: Сан Саныч ожидал моего появления. Ну не сегодня, конечно, а вообще. И был готов к разговору. Я снова включила запись.

– Все-таки за ним кто-то стоит, – сказала я, когда мы во второй раз прослушали пленку. – И это не менты.

– Ты знаешь врагов Сухорукова? – посмотрела на меня Татьяна.

– Полгорода. Из тех, кто у нас имеет вес.

– Юля, а ты уверена, что тебе так нужен Сережа? – спросила Ольга Петровна. – Вспомни: он ведь променял тебя на деньги. И из-за них женился на другой.

– Но быстро опомнился, – пробурчала я.

– Юля, ты вбила его себе в голову, – не унималась Ольга Петровна. – На свете есть и другие мужчины. А с этим – одни только проблемы. И кто он? Пешка в чужой игре. Большой игре. Куда он влез все из-за той же корысти. И втянул тебя. Хотел тобой прикрыться. И теперь ты из-за него рискуешь. Зачем тебе это надо?

– А Юлька у нас не может жить, как все нормальные люди, – усмехнулась Татьяна. – Ей риск нужен. Чтоб адреналин в кровь выбрасывало. И побольше, и почаще. Вот тогда она чувствует себя в своей тарелке. Решила чего-нибудь? – Татьяна посмотрела на меня.

– Прямо спрошу у Сухорукова, что нужно сделать, чтобы Серега вышел на свободу, А там посмотрим. Попытка – не пытка.

Он выяснил, кто такой Татаринов и, так сказать, с чем его едят. Понял: дурак. Смирнова, конечно, стерва и дрянь редкостная, но что она все-таки в нем нашла? Должна была бы позариться на рыбку покрупнее. И ведь явно имела возможность прихватить крупных рыбин. Или в самом деле любовь слепа, полюбишь и… В тюрьме такое слово, конечно, лучше не произносить, но ведь в самом деле козел. Или она была права насчет любви из жалости?

Но как тогда в ней все это сочетается?

И как это использовать?

* * *

Двое контролеров, куривших во дворе «Крестов», проводили взглядом депутата Ефимова, известного борца за права заключенных. Тот куда-то проследовал в сопровождении майора.

– Достали все эти борцы, – сплюнул один из контролеров. – В особенности те, которые публично непримиримо борются с организованной преступностью, а в реальности состоят на службе и получают жалованье у этой самой организованной преступности.

Второй кивнул и сказал, что в манере выступления Ефимова – частого гостя «Крестов», хотя ему давно пора бы тут обосноваться на постоянное место жительства, – его всегда раздражает, как Ефимов произносит фразу «У нас в ЗакСе». Звучит она примерно как «У нас, богов, на Олимпе».

* * *

Пригнали коня.

– Эй, Татарин! Это тебе! – крикнули Сергею.

«Малява от Юльки?» – радостно подумал он и спрыгнул со шконки.

Подписи не было. Был приказ с подробными инструкциями. И обещание. Сухоруков? Хотя кто же еще…

Глава 3

– Вам понравилась передача? – проворковала я в трубку. – Обещали же позвонить, Иван Захарович.

– Извини, Юля. Закрутился. Все смотрел, и даже два раза записали мы «Хронику», как ты понимаешь. Молодец. Все как я хотел. Что не нужно –

вырезала, что нужно – оставила. Отзывы уже пошли?

– Телефоны раскалились. Народ ваши инициативы одобряет. Органы, кстати, тоже. По крайней мере отдельные представители. Просили передать благодарность за заботу о них. Но возьмут и спонсорскую помощь бензином.

– Это – в «ЛУКОЙЛ» и ко всем остальным нефтяным компаниям. Я ни нефтью, ни нефтепродуктами никогда не занимался и в ближайшее время не собираюсь.

– А мне маленький подарочек?

– Чего?! Чего?!

– Я не денег прошу, не думайте.

– Я и не думаю, это не в твоем стиле. А чего надо? – Сухоруков явно заинтересовался. – Опять какую-нибудь гадость замыслила? И меня хочешь подрядить?

– Вы когда по городу ездите, плакаты рекламные читаете? Постеры?

– Ну… Иногда. Когда глаз упадет. А что? Хочешь свою физиономию на плакате увидеть? Сделаем. Легко.

– Спасибо за заботу, но не хочу, и так пришлось на парик разориться, чтобы пореже узнавали. А вы видели портрет одного известного в нашем городе человека с призывом «Спешите делать добро»?

– По-моему, это он призывает, чтобы его из «Крестов» выдернули, – высказал свое мнение Сухоруков.

– А как вы относитесь к тому, чтобы хорошего человека в самом деле оттуда выдернуть?

Сухоруков замолчал на мгновение.

– Это ты про кого? Про того, что на плакате? Даже не проси. Кстати, а с чего это ты вдруг…

– Я – про Сергея. Можно? Лично для меня. Поспешите сделать добро. А я его возьму на поруки.

Сухоруков расхохотался.

– Что я должна для этого сделать?

– Даже так?

Я решила промолчать.

– Хорошо, Юля. Я подумаю.

– Шанс есть?

– Шанс всегда есть.

Сухоруков отключил связь.

* * *

Иван Захарович позвонил примерно через неделю и заявил, что для начала решил порадовать меня свиданием – надо жить маленькими этапами и маленькими радостями.

– Завтра постарайся хорошо выспаться с утра. Или днем поспи – если получится.

– В смысле? – не поняла я.

– Ночью встречаться будешь. Чего тут непонятного? Ты же не через стекло с ним видеться хочешь? Или я тебя неправильно понял?

– Я хочу увидеть его на свободе.

– Не все сразу, Юленька, не все сразу. Ты с ним встреться с глазу на глаз вначале и реши, нужен ли он тебе.

Татьяна и Ольга Петровна, узнав о предложении Сухорукова, поддержали Ивана Захаровича.

– Он абсолютно прав, – кивнула Татьяна.

– Я тебе говорю то же самое, – добавила Ольга Петровна. – Вначале надо пообщаться, а там уже решать. Молодец Иван Захарович. Он сразу же произвел на меня хорошее впечатление.

– Вы же его ни разу в жизни не видели лично. Только по телевизору.

– Ничего. Я его по вашим с Таней рассказам знаю. И вообще о человеке надо судить по делам.

* * *

На следующий день вечером Татьяна предлагала поехать со мной.

– Юля, мы же с Ольгой Петровной беспокоиться будем!

– Да, Юля, – вторила ей вторая соседка. – Когда ты днем в «Кресты» ходишь снимать, мы и то волнуемся. Контингент-то опасный. Мало ли что. А ты – молодая, красивая. Мужики-то оголодавшие наброситься могут, не думая о последствиях. Всегда за тебя страшно, а сейчас так вообще. Может, не пойдешь? Ну его к бесу, этого Сергея. Одна из-за него морока. Сразу он мне не понравился. Юль, не ходи.

– Или давай, по крайней мере, вдвоем, – опять подала голос Татьяна.

– Тебя-то туда кто проведет? Сухоруков только насчет меня договаривался. Знаешь, сколько желающих к своим мужикам прорваться? А тут ты в качестве

дуэньи. Нет, Таня, не прокатит. Я как выйду – сразу же позвоню.

– Может, я тебя все-таки в машине подожду, а? Мне самой так спокойнее будет.

– Зачем привлекать внимание?

– Ну ты же не напротив КПП ее оставишь? На Михайлова, наверное? А можно и подальше. Прогуляешься. И я тебя могу проводить, посмотреть, чтобы все нормально было, чтобы встретили. И посмотрю, кто встречает.

– Нет!!! – заорала я, доведенная до белого каления.

– Ладно, успокойся. – Татьяна погладила меня по плечу. – Выпей валерьяночки.

– Незачем кота травмировать, – улыбнулась я и посмотрела на вечно голодного Василия, также большого любителя валерьянки. – Ты представляешь, что с ним будет, если он валерьянку учует?

Оделась я скромно, но так, чтобы эту одежду можно было легко и быстро скинуть, – у меня не было иллюзий насчет того, чем закончится наша встреча с Серегой. Я ведь не только говорить с ним туда иду и проверять свои чувства. Все побывавшие у Хозяина из тех, с кем мне довелось побеседовать, заявляли: за забором хочется двух вещей – жрать и бабу. Вопрос с едой решается проще, с женщинами – гораздо сложнее. А женщины снятся каждую ночь… Тем более молодому мужику, который вел активную половую жизнь до отсидки.

Юбку надела чуть выше колена, но свободную и легко поднимающуюся, блузку с редкой застежкой посередине, поверх нее пиджачок всего с двумя пуговичками, под ней – ничего, некогда там будет возиться с бюстгальтером, да и вообще я их не люблю. Ладно, когда большая грудь, а с моим первым номером можно и не носить. Никакая лишняя тряпка не мешается, хотя, конечно, есть любители снимать… Но Сереге нравилась моя нелюбовь к нижнему белью вообще. Помню, случалось, приходил он – а я тут в легком шелковом халатике, наброшенном прямо на голое тело… Эти мои халатики уже давно пылятся в шкафу… С тех пор, как отсюда съехал Серега. После него я не надевала их ни для одного мужчины. Я и встречалась-то с ним так… потому что молодой организм требовал своего.

Я невольно вспоминала, как он, войдя в квартиру, отбрасывал борсетку в сторону (и все остальное, если приносил что-то еще) и заваливал меня прямо в коридоре, лишь иногда успевая донести до кровати. Но Серега любил заниматься любовью на полу, на твердой поверхности. Я потом даже специальный коврик купила с большим ворсом, чтобы положить в коридоре, он как раз занял пространство от двери в кухню до двери в спальню… Вот только пришелся по вкусу и Василию. Помню я, как мы на него упали, а кот потом Серегу за ногу укусил в самый ответственный момент. Кот вообще всем моим мужчинам сцены ревности устраивал. Но с Серегой дружил. Татаринов, правда, схитрил – каждый день приходил или с куском сырого мяса, или с пакетом фарша… Вот и любовь Василия.

А потом мы вместе сидели в ванне, наполнив ее теплой водой и добавив какой-то пахучей пены… Серега все собирался у меня перепланировку сделать, чтобы увеличить площадь ванной комнаты и поставить большую джакузи, в которой нам будет свободно вдвоем. Но не успел. Женился на Аллочке… Правда, мы и в моей стандартной ванне неплохо умещались. С тесноте да не в обиде. И второй раз обычно занимались любовью в ней… Или под душем. Потом ужинали, шли в постель… Как же мне всего этого не хватает теперь!..

– Презервативы взяла? – вернула меня к действительности Татьяна. – У него-то явно не будет, а там он мог любую заразу подхватить.

– Ты думаешь, ему туда кто-то баб водит?

– Я о твоем Сергее вообще не задумываюсь! – рявкнула соседка. – Я о тебе беспокоюсь. От этих мужиков вечно одни проблемы. Взяла или нет?

– У меня всегда с собой, – ответила я.

– То есть как? – удивилась Ольга Петровна и посмотрела на меня как на советскую пионерку, признавшуюся в связи с американским шпионом.

– Таня права: на наших мужиков нельзя рассчитывать, – невозмутимо сказала я. – Сама о себе не побеспокоишься – никто о тебе не побеспокоится. А уж наши мужики – так точно. Поэтому я всегда упакована. Мало ли что…

– Предусмотрительная ты наша, – хмыкнула Татьяна.

Я слегка подкрасилась – карандашиком подвела глаза, мазнула по ресницам «Макс-Фактором», но чуть-чуть, а то ведь тушь потечь может. И не умыться будет: подозреваю, номер с ванной нам не предоставят и даже на раковину рассчитывать не приходится. Насчет помады задумалась. Стоит – не стоит? Ведь следы оставит… В общем, отказалась. Брызнула на себя «Мадам Роша» – остатками из флакона, подаренного в свое время еще Серегой. Последний штрих – расческой по волосам.

– Юль, может, парик наденешь? – вдруг спросила Ольга Петровна, наблюдая за моими манипуляциями. – Тебя ведь сотрудники узнают. Все же «Криминальную хронику» смотрят. И ты там сколько раз уже снимала? И совсем недавно эту пресс-конференцию перед «Крестами». Зачем лишний раз привлекать внимание?

– Все, кто меня увидит, явно заранее оповещены о моем приходе.

Я еще раз оглядела себя в зеркале, осталась довольна произведенным эффектом и взяла в руку сумку. В ней лежал сотовый – подозреваю, что ночью его никто не заставит сдавать на КПП, а также пакет с домашними котлетками, которые, как я помнила, любил Сергей, и маленькая палка «Майкопской» колбасы. Взяла и баксы, которые, правда, по большей части спрятала на себе – в специально приколотом булавками к внутренней стороне пиджака кармане. Деньги в тюрьме всегда нужны, хотя их там и запрещается иметь. Сегодня днем специально проехалась по пунктам, попросила поменять на пяти– и десятидолларовые купюры, хотя положила и пару соток. В сумке тоже лежали баксы. Наверное, контролеру придется дать – несмотря на все договоренности Ивана Захаровича.

– Водку, надеюсь, не брала? – строго посмотрела на меня Татьяна.

– Серега ее никогда не любил.

– И ты только поэтому не взяла?

– Не только. Я бы ему мешок жратвы отнесла, но вот этим как раз не нужно привлекать внимание.

– А тебя через какую-то потайную дверь поведут? – спросила Ольга Петровна.

– Там только один КПП, и все заходят и выходят через него. Есть еще двое ворот – с Арсенальной набережной и улицы Комсомола, но они для автотранспорта. Для меня их никто открывать не будет. Их ни для кого не открывают.

– Юль, тогда надень парик, – опять сказала Ольга Петровна.

– Нет, не буду.

– Смотри: оставят тебя там. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно.

– «Кресты» – мужской следственный изолятор, женщины там не содержатся. Правда, оттуда недалеко до женского изолятора.

Я на всякий случай тоже переплюнула через левое плечо и постучала по дереву. Соседки меня перекрестили и заявили: не лягут спать, пока я не вернусь.

– Юль, а где вы там с ним встречаться будете? – спросила Ольга Петровна.

– Понятия не имею. Но в гостиницу, думаю, не поведут.

– А кого-то выпускают из тюрьмы в гостиницу? – удивилась Татьяна.

– Там есть гостиница. На территории.

– ?! – Ольга Петровна вылупилась на меня большими круглыми глазами.

– Для гостящих авторитетов и воров в законе? – усмехаясь спросила Татьяна. – Для гонцов с малявами из других регионов?

– Длительные свидания должны же где-то проходить, – пояснила я. – Гостиница рассчитана на шесть мест свиданий. К одному человеку могут прийти двое.

Я надела черную кожаную куртку с молнией спереди, ботиночки на среднем каблуке, подумала и все-таки натянула черную вязаную шапочку. Так спокойнее. Хотя шапки я терпеть не могу и прекрасно обхожусь без них, так как все время на машине. Когда беру интервью на улице зимой, тоже предпочитаю обходиться

без них. Ну что за тележурналистка в шапке? Но тут неизвестно, сколько времени мне придется провести на улице, а там с Невы задувает будь здоров.

Машина была припарковала прямо напротив входа в парадное – я специально оставила ее там, поэтому идти мне никуда не требовалось. Я плюхнулась за руль и поехала в сторону Арсенальной набережной.

Они сидели с Зиновием Яковлевичем в комнате для встреч адвокатов со своими подзащитными. Сколько раз им уже доводилось так встречаться, правда, в прошлом… Он не думал, что придется вновь, с его теперешним-то положением. Ан нет. От тюрьмы и от сумы, как известно… Он уже в тюрьме, и если пробудет здесь долго, то дело может кончиться и сумой. Ведь не просто же так он тут оказался – его подставили. Все ради бабок, ради них, любимых.

Однако эти же самые бабки в наше время решают все проблемы, пожалуй, кроме одной – не возвращают с того света. Но все остальное… Советские времена миновали, тогда, конечно, тоже существовала купля-продажа, но чтобы в таких размерах, как сейчас… Все, кому только могут дать, берут. А это облегчает жизнь тем, у кого есть бабки. У него они есть, и он намеревался использовать их. Ради своей цели. Он выйдет отсюда в самое ближайшее время!

– Вы говорили со следователем, Зиновий Яковлевич? – спросил он у адвоката, знающего всех и вся. В свое время адвокат поднялся во многом благодаря ему.

Зиновий Яковлевич тяжко вздохнул, выражая этим вздохом и выражением лица многовековую скорбь еврейского народа.

– Вы понимаете, Слава, этот следователь – человек очень странный. Он может и не взять взятку.

– Предложите больше, – невозмутимо возразил он.

Зиновий Яковлевич почесал подбородок.

– Я подумаю, что можно сделать…

– Подумайте, подумайте.

Он хотел добавить, что за это и платит деньги, причем немалые, однако сдержался. Зиновий Яковлевич был человеком очень обидчивым. Кто же обижает своего адвоката?

– А следак что, у кого-то не взял? – поинтересовался он.

Зиновий Яковлевич грустно кивнул.

– Добровольно отказался от взятки?! Наверное, мало предлагали.

– Нет, предлагали ровно столько, сколько надо. Не больше и не меньше. Этот человек точно знает расценки. Была возможность узнать. И Сан Саныч знал, что с ней можно договориться…

– С кем это «с ней»?

– Журналисткой Юлией Смирновой. Вы, конечно, про нее слышали?

Еще бы он про нее не слышал… Опять она. Нигде от этой стервы нет покоя. Но так ей и надо, – позлорадствовал он.

– У Смирновой я бы тоже не взял, – заметил он вслух. – Мало ли где рядышком оператор притаился, или она сама была с включенным диктофоном в кармане…

– Не думаю, – покачал головой Зиновий Яковлевич. – Она хотела и хочет вызволить из «Крестов» своего мужчину. Послушайте, Слава, а может, нам организовать кампанию в защиту вас? Подключим всех деятелей культуры, возмущенную общественность, вы ведь со многими актрисами и певицами знакомы лично, не так ли? И Смирнову можно подключить…

– Нет! – резко ответил он. – У меня аллергия на Смирнову. А вот остальных подключайте. Обговорите детали с Костей. Я уже сам думал об этом.

– Как пожелаете, Слава.

Со Смирновой он будет договариваться сам. Если будет, конечно. Но он еще не решил, о чем именно.

* * *

– Эй, Татарин, тебе опять малява!

В этот раз были дополнительные инструкции. И новое обещание… Подпись опять отсутствовала.

Глава 4

Машину, как и собиралась, поставила на улице Михайлова и прошлась до КПП. До назначенного мне времени оставалось еще десять минут, так что решила зря не светиться и встала на набережной у Невы, облокотившись на парапет. Дул сильный ветер, забирался мне под юбку. Первыми замерзли коленки в тонких капроновых чулочках, держащихся на бедрах на кружевных резинках. Специально купила такие, чтобы не надевать пояс и уж, конечно, колготки. Где там возиться с колготками? Да и трусики у меня не по погоде… Я усмехнулась, вспоминая, как сегодня днем заезжала в секс-шоп. Когда я сказала продавщице, что мне нужны какие-нибудь трусики, в которых можно заняться любовью, не снимая их, мне тут же выложили несколько вариантов эротического белья. Были просто с разрезом на самом интересном месте (от них я отказалась сразу: решила, что замерзну), на молнии – там же (побоялась, что заест, – почему-то у меня все молнии заедали в самый неподходящий момент), с лепесточком на липучке.

– А у мужчины к этой липучке ничего не прилипнет? – спросила я у продавщицы.

– Нет, что вы! – воскликнула девушка. – Тут же все предусмотрено. Видите: вот так листик отворачивается, завертывается и вот сюда залепляется. И вы готовы. Многим мужчинам очень нравится все это проделывать.

«Если есть время и процедура проходит при свете», – подумала я. Но где именно мы будем встречаться с Серегой – неизвестно, да и ни на какую долгую прелюдию рассчитывать не приходится… Что же мне взять?

И тут девушка извлекла из кучи белья еще одни трусики: с листиками без липучек, но с завязочкой. Дерни за веревочку – дверка и откроется, листик – в сторону, вернее, его можно закрепить за резинку (или не закреплять) – и вперед. Самое то.

– Беру, – сказала я.

Покупку мне упаковали, и тут ко мне подскочила еще одна девочка с внешностью училки, которая довольно странно смотрелась в секс-шопе, тем более была с планшетом, на котором лежали какие-то листки. Оказалось: проводит социологический опрос. К счастью, девочки меня не узнали. Наверное, не смотрят «Криминальную хронику». У них другая тематика.

Опрос был анонимный, вопросы дурацкие, больше всего меня повеселил последний: где вы собираетесь использовать покупку? Предлагалось двенадцать вариантов мест плюс «другое». Мое предполагаемое место, конечно, попало в «другое».

– Простите, а где? – «Училка» посмотрела на меня поверх очков.

Я замялась: отвечать или нет. Встряла продавщица и сообщила: если покупатель назовет новое место, не указанное в анкете, ему полагается приз. Я назвала. Девочки открыли рты, потом переглянулись, рты закрыли.

– Да, теперь понятно, – наконец промямлила продавщица, из зала удалилась, вернулась с трусиками, которые я назвала бы «невидимками», и вручила их мне. Присмотревшись, я заметила на боках крошечные «карабинчики». – Тоже вам может пригодиться, – со знанием дела заметила продавщица. – Расстегнули и сняли.

Я улыбалась, вспоминая дневное посещение секс-шопа. Оценит ли Серега мои труды? Ведь в порыве страсти может и не заметить ничего… А сейчас у меня дико замерзли коленки. Вторыми замерзли бедра и попа. Потом руки и нос. Сереге придется меня отогревать.

Так, минута до назначенного срока. Пора переходить дорогу. Ровно в час ночи я стояла напротив КПП. У меня полтора часа на свидание: в три часа ночи в «Крестах» начинаются выводы из первого корпуса для отправки в колонии,

поэтому уйти нужно не позже половины третьего. Потом – сложнее.

Человек Ивана Захаровича оказался точен. Он выскочил на улицу в форме, тут же заметил меня и спросил:

– Юля?

Я кивнула, стуча зубами.

– Пошли.

Двое дежуривших за стеклом в первом накопителе сделали вид, что меня не заметили, не спросили ни паспорт (который у меня был с собой), ни мобильный – ничего из того, что посетитель обязан оставить при входе в «Кресты». Я для них оказалась привидением. Во втором помещении не было никого вообще, и, конечно, мне не пришлось оставлять сумку в камере хранения. Мой сопровождающий не поинтересовался, что у меня в ней. Через металлоискатель не прогоняли.

Затем пришлось идти по улице. Сопровождающий уверенно вел меня в нужном направлении. Мне, конечно, хотелось поглазеть по сторонам, но, во-первых, ничего не было видно – до белых ночей далековато, а во-вторых, шли мы быстро, и я ничего не успевала рассмотреть. Потом он завел меня в один из корпусов. В какой – сказать не могу, так как внутри тюрьмы совершенно не ориентируюсь. Мероприятия-то, с которых я вела репортажи, проводились в церковно-административном корпусе. Признаться, было страшновато. Но чего не сделаешь ради любимого мужчины?

– Так, давайте сюда, – мужчина показывал мне дорогу.

Коридор был пустынным, и я уже думала, что мы никого не встретим по пути, – и надеялась на это. Но надеждам моим не суждено было сбыться. Нам попался мужчина в форме, выводящий двух девиц лет двадцати трех на вид в весьма вольной одежде. Я опустила глазки долу и порадовалась, что не сняла шапочку. Еще не хватало, чтобы девицы меня узнали, хотя, возможно, они и не смотрят «Криминальную хронику» на нашем телеканале. Хотя бы потому, что в это время активно трудятся. Мужчина в форме подмигнул моему сопровождающему. Не знаю, подмигивал ли мой в ответ, – я находилась у него за спиной, как раз

стараясь за нее спрятаться. Я у девиц особого интереса не вызвала, как, впрочем, и у мужчины.

– Вопрос можно? – не удержалась, когда мы прошли чуть дальше и, по-моему, оказались вне пределов слышимости тех троих.

– Юль, вы, как всегда, за свое, – он улыбнулся. – Некогда. Может, потом как-нибудь.

– Это Сухоруков запретил вам отвечать на мои вопросы?

– Да нет… Но он предупреждал, что вы чрезвычайно любопытны.

– Я вам что-нибудь должна?

– Нет. Мы с Иваном Захаровичем решили вопрос.

– Но хоть скажите, сколько стоит провести женщину к любимому мужчине, – заканючила я.

– Ох вы, журналистки… – застонал мужчина, потом повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза. – Нет твердых расценок. Ни на что нет. Ни на водку, ни на девок, ни на что другое. Как договоришься.

– Но во сколько раз умножать цену «с воли», например, на бутылку водки «за забором»?

Он замялся.

– Раза в четыре?

– Можете в четыре.

– А в десять?

– Можете и в десять, – мужчина хмыкнул и покачал головой. – Повторяю: все по договоренности.

Но вообще-то обычному гражданину, оказавшемуся «за забором», любимой женщины (и просто женщины) не видать как своих ушей, как не видать и многого другого… Официально запрещенные вещи позволить себе могут только избранные, причем имеющие не только деньги, но и нужные связи – и на воле, и «за забором», – которые в тюрьме оказываются частенько гораздо важнее. В идеале, конечно, иметь связи, как у Ивана Захаровича. Но таких, как он, – единицы. И мне просто повезло, что я попала в круг тех, на кого он обратил свое внимание (не сквозь оптический прицел).

– Так, мы пришли, – объявил мой провожатый. – Сюда заходите. И ждите.

Он открыл дверь в погруженное во мрак помещение.

– Через сколько вы его приведете?

– Скоро. Если накладок не будет. Не бойтесь. Приведу. Зачем мне вас обманывать? И Ивана Захаровича.

* * *

Он ушел, а я осталась одна в кромешной тьме. Где нахожусь, не представляла. Потрогала стену – каменная. Хотя чего я ожидала? Обоев? Нащупать выключатель? Нет, пожалуй, лучше не надо. Оставили в темноте – значит, надо сидеть в темноте. Хотя я пока стою. Надо поискать сидячее местечко – если оно тут есть, конечно. Или я в ШИЗО? Свободен карцер – и используется как место для встреч? Или это не ШИЗО? Осмотримся. То есть ощупаемся – не видно было ни зги.

Мелкими шажочками я тронулась вдоль стены, в любой момент ожидая на что-то наткнуться. И наткнулась. Я поняла, что нахожусь в душевой. Проведя дальнейшую рекогносцировку, в своей догадке утвердилась. Значит, и помыться сможем? Совместно… Опять невольно вспомнила, как мы с Серегой любили посидеть вдвоем в моей скромной ванночке… А я, дура, даже полотенце не взяла. Хотя куда бы я его клала? Сумка-то небольшая. Да и льющейся водой не

следует привлекать внимание. Кстати, а ее тут не отключают на ночь?

Но проверить это я не успела: открылась дверь в коридор, в помещение ворвался луч света, в котором обозначились две мужские фигуры. Одна подтолкнула другую в спину и закрыла дверь. Помещение опять погрузилось во тьму.

– Кто здесь? – спросил Серегин голос. Не очень уверенно, может, даже слегка испуганно. Он, как я слышала, не отступил от двери ни на шаг, так и стоял на одном месте.

– Я, – выдохнула тихо.

Последовало молчание. Он так и не шелохнулся. И не ответил. И больше ничего не спросил. Что с ним?!

Держась за стеночку, я пошла обратно к двери, от которой не успела далеко отойти. Я слышала прерывистое дыхание Сергея. Остановилась в двух шагах от него – или, по крайней мере, мне так казалось. Но я еще не могла до него дотянуться.

– Ты не рад мне? – спросила.

– Юлька! – полустон-полувскрик-полувздох. – Юленька! – в голосе надрыв. – Ты?! Так это ты?!

Он шагнул ко мне, точно зная, где искать, обнял так крепко, что хрустнули кости, уткнулся мне в волосы. Шапочку я уже предусмотрительно сняла и сунула в карман куртки. Куртку расстегнула тоже заранее. Он завел руки под куртку, быстро расстегнул пиджак, прижался щекой к моей щеке. И я почувствовала на ней влагу… Его била дрожь, даже зубы стучали. Боже, что же с ним тут сделали? Он сбросил мою куртку на пол, с ней слетела и сумка, упавшая с глухим звуком.

– Что у тебя с собой? – Серега спросил как-то настороженно, отрываясь от меня.

– Котлетки, как ты любишь, – ляпнула я.

– Кот-лет-ки? – переспросил он, произнося слово по слогам и с таким удивлением, словно не знал, что это такое, или забыл, что означает это слово.

– Хочешь?

Он не ответил, а выпустив меня, опустился на корточки, быстро нашарил на полу мою сумку, расстегнул, запустил руку, вроде бы все там обыскал и первой вытащил палку колбасы.

– А это?..

– «Майкопская», твоя любимая.

Судя по звукам, я поняла, что он решил откусить кусок.

– Кожуру надо снять вначале! Дай!

– Ай! – проворчал он с полным ртом. Одновременно он извлекал из пакета котлетки.

– Сережа, наверное, нельзя есть сразу все, – сказала я через некоторое время. – Если у тебя желудок отвык… Тебе может стать плохо.

– Мне и так плохо. Мне очень плохо. Мне никогда в жизни не было так плохо. Хуже не будет. Уже никогда. А так хоть нажрусь до отвала. Ты больше ничего не принесла?

– Нет.

– Ладно, – говорил он с набитым ртом. – Хоть это. Водки нет?

– Ты же раньше не пил водку.

– Теперь бы ведро выжрал. Выжрал и забылся… Божественно, Юлька! Я в жизни так вкусно не ел. Сама жарила, да? Супер. Ты просто супер.

Я спросила, доходят ли до него передачки, которые носит его мама.

– Частично, – проворчал Серега с набитым ртом.

– Класть ли деньги на счет и дальше? – уточнила я.

– Клади. Что-то перепадет.

Я сказала, что и сейчас принесла ему деньги и специально постаралась наменять купюр по пять и по десять долларов.

– А сотни есть?

– Две. Остальное – мелочь.

– Сейчас попробую рассовать. Спасибо, Юлька. Так, давай их мне сразу. Буду есть и рассовывать, а то у нас мало времени. Я нагнулась к сумке, на ощупь достала приготовленную пачку денег и протянула Сереге, потом ощупала место вокруг – не вывалилось ли что-то из сумки. Вроде нет. А то окажусь в незавидном положении, если что-то из моих вещей останется тут на полу. Найдет кто не надо – потом проблем не оберешься. Хотя всегда откупиться можно…

Пока Серега набивал желудок, я проверила содержимое сумки. Специально не брала ничего лишнего. Паспорт на месте, как и водительское удостоверение, и техпаспорт. Диктофон, сотовый. Косметику не брала, только расческу и зеркальце. Хотя зачем они мне тут в темноте? Да и вообще зачем я красилась? Еда для Сереги оказалась важнее женщины. Проверив все во второй раз, я застегнула сумку.

А он все жевал. Иногда благодарил меня. Когда все смолотил, вернул мне пакет, на ощупь прошел к крану, включил небольшую струю воды и напился.

– Ох, хорошо… – простонал Серега блаженно. – Кайф!

По-моему, он прислонился к стене. Я так и оставалась рядом с дверью, еще не решив для себя, что делать дальше. Идти к нему мне не хотелось. Ни обнимать

его, ни целовать, ни позволять его рукам касаться моего тела. Не потому, что они, наверное, жирные после котлет и колбасы. Просто я поняла, что не хочу отдаваться этому мужчине. Это совсем другой человек. Не тот, которого я знала, не тот, чей образ я держала в памяти… Ольга Петровна права. И Сухоруков прав. Уж он-то очень хорошо знает, как человека может изменить тюрьма. Серегу, пожалуй, она сломала. Или его сломали специально.

– Юль, тебя Сухоруков прислал? – оторвал меня от размышлений Серега.

– Он организовал эту встречу.

– Что ему надо? Что он велел мне передать?

– Я не знаю, что ему надо! – взорвалась я, правда, не могла позволить себе кричать в полный голос. Если так можно выразиться, я кричала шепотом. – Это я хотела с тобой встретиться. Это я просила его об этой услуге. Может, ты видел на днях, как он распинался на набережной? Кто его в самом выгодном свете народу показал? И еще буду показывать. Поэтому и сделал то, что я просила.

– Значит, ты тоже на него работаешь… – грустно произнес Серега.

– Что от тебя требуют?

– Я думал: ты скажешь. Зачем тебя сюда прислали?!

– Тебя здесь держат просто в наказание за то, что покушался на деньги Сухорукова? – уточнила я холодным тоном.

– Я понял, что да. Он нашел их?

– Нашел. Вот мост теперь собирается на них строить.

– Меценат недоделанный, – Серега отпустил еще парочку крепких выражений, но я их опускаю. Слышал бы Сухоруков…

– Сережа, значит, никаких требований не было?

– Что ты мне в душу лезешь?! – взвизгнул Сергей. – Ты что, совсем ненормальная?! Мне и так тошно! Мне плохо, слышишь?! Плохо!!! А ты, как всегда, со своими расспросами! У других бери интервью. Мне сейчас не до тебя! Башка кругом идет! И ты еще тут!

Я опешила. Вот это да. И зачем я сюда прорывалась? Я шла, чтобы встретиться вот с этим мужчиной, которого, как выяснилось, я даже раздражаю. Ему, видите ли, не до меня. Да другие бы за такое свидание – или просто свидание с какой угодно женщиной – год жизни отдали. Может, Серега женушку свою Аллочку желает видеть? То есть бывшую женушку. Правильно Алла сделала, что с ним развелась. Да и у меня глаза открылись на этого человека. Спасибо Ивану Захаровичу. Я больше не намерена принимать участие в судьбе Сереженьки. И деньги ему не дам из приколотого к пиджаку кармана.

Дверь за моей спиной внезапно распахнулась. На пороге стоял все тот же сотрудник. Он бросил взгляд на меня, освещаемую из коридора, потом посмотрел повнимательнее – на валяющуюся на полу куртку, которую я тут же подняла и повесила на согнутую в локте руку, затем еще раз осмотрел меня саму. Я встретилась с ним взглядом. Не знаю, что уж он в нем прочитал и что подумал, его лицо не выражало никаких эмоций.

– Татаринов, на выход! – приказным тоном сказал мужчина. – А вы, Юля, подождите. Я вас потом выведу.

Сергей отошел от стены, у которой стоял, около меня остановился в нерешительности.

– Быстрее прощайтесь! – прошипел сотрудник.

Я все-таки заставила себя сделать шаг к Сергею, обняла за шею одной рукой (на второй висели куртка и сумка), слегка прижалась и поцеловала. От него пахло котлетой и колбасой. И я почувствовала что-то новое… Нет, не запах. Что-то появилось у него за поясом. То, чего не было, когда он прижимал меня к себе. Прижимал, когда только вошел, когда понял, что тут я. Но ведь палку колбасы он съел? И у меня в сумке точно ничего такого не было… И это не палка колбасы, а что-то более узкое и… металлическое?

Но я не смогла уточнить, что это и зачем понадобилось Сереге.

– Все! – прошипел сотрудник и резко дернул Серегу за руку.

Они ушли, закрыв, но не заперев дверь. Была у меня, признаться, мысль высунуть свой любопытный нос наружу, но я быстро от нее отказалась. Здесь любопытство в самом деле может сгубить. Я немного отошла от входа – мало ли кто заглянет, а тут я. Так вроде бы сюда свет из коридора не достанет, а человек Ивана Захаровича меня вызовет. Или еще подальше отойти? Да, пожалуй, надо еще немного. Я опустилась на корточки, прижавшись спиной к стене. Хотелось реветь, себя было жалко – не передать. Зачем меня сюда понесло?! Зачем я в секс-шоп ездила? Зачем старалась?! Сколько усилий, эмоций – и все зря…

С другой стороны, нет худа без добра, – сказала я себе. Наконец-то я поняла, что ошибалась. Мало мне, дуре, было, когда Серега ушел к Алле, потому что хотел работать в фирме ее отца. Вот, пожалуйста, еще одна подсказка. Ее должно хватить.

Но ведь с ним что-то произошло. Надеюсь, не опустили? Сухоруков бы знал и, думаю, не стал бы в таком случае посылать сюда меня. Он же сам явно намерен меня использовать в дальнейшем – как личного пресс-атташе. А после моего общения с опущенным это было бы проблематично… Да, конечно, Серега привык к другой жизни – к хорошей квартире, мягкой постели, всевозможной жратве, а тут – жесткие нары в переполненной камере и тюремная баланда. И из передачек не все доходит. По всей вероятности, приходится добровольно-принудительно делиться с сокамерниками. И еды не хватает. Он все время голоден. А я гуляю на свободе. Ему обидно. Он обижен на весь свет. И деньги его теперь не ждут. Если бы ждали два миллиона баксов – было бы легче, они грели бы душу. А так что? Даже нет уверенности, что будет работа. Конечно, хреново.

Но что делать мне? Считаю: долг я свой выполнила. Если тут, конечно, могла идти речь о каком-то долге. Деньги на счет Сереге буду класть – хотя бы из тех, которые он мне в свое время заплатил за «алиби», его мама пусть два раза в месяц ходит с передачками. А дальше – как решит Сухоруков. Я свою голову подставлять не намерена и платить Ивану Захаровичу услугами за Серегино освобождение – тоже.

Когда я приняла решение, стало легче. Настроение, конечно, не улучшилось – с чего ему улучшаться? – но все равно я приободрилась и захотела теперь

побыстрее добраться до дома, залезть в ванну, потом в родную постельку и прижать к себе верного кота.

Но оказалось, что до постельки мне еще ох как далеко…

Его вели на очередную встречу с Зиновием Яковлевичем. Тот должен был отчитаться о проделанной работе. Хотя он ежедневно видел по стоявшему в камере телевизору, какую кампанию организовали адвокат с Костей. Некоторые журналисты, актеры и просто общественники подключились сами, даже без специальной просьбы и денежной подпитки. В народе всегда водились правозащитники на общественных началах. И опять же масса бывших общественников теперь не у дел, надо же куда-то энергию девать тем, кого в новые времена никуда не взяли. Один его знакомый, прикормленный диссидент, в советские времена процветал на Западе, сбежав туда из-за железного занавеса, а потом, перед выборами девяносто шестого (как сам рассказывал), этот ярый антисоветчик и атеист вместе с другими диссидентами ходил свечку в церковь ставить за победу Зюганова. Зюганов победит – опять бабки пойдут от капиталистов.

И он решил прикормить диссидента, который умеет клеймить кого скажут – за бабки. Как вчера порадовалась его душа, когда он видел выступление диссидента в собственную защиту. С каким пафосом говорил! Чувствовался опыт клеймения советского режима. Теперь клеймил новый – с не меньшим успехом. Вся камера просто заслушалась.

Так, а это кто? Мимо них проследовал один из офицеров, имени которого он не знал, сопровождающий… ба, еще одного борца, правда, этот в последнее время борется за права заключенных, но и не только, как было ему прекрасно известно. Господин Ефимов собственной персоной. Опять, что ли, выступать будет? Или уже отвыступался? Ефимов бросил взгляд в его сторону и отвернулся. Притворился, что не узнал, хотя узнал, сволочь… Встречались они неоднократно. Ефимов даже виды имел на его бизнес. Но они с Костей популярно объяснили депутату, что того ждет, если не умерит свой пыл – и любовь к чужим деньгам.

Вечером он выяснил, что Ефимов сегодня в актовом зале «Крестов» не выступал и вроде бы в ближайшее время его выступлений не планировалось.

Тогда зачем этого слугу народа сегодня приносило в «Кресты»?

* * *

Зиновий Яковлевич передал ему по всем правилам запаянную «торпеду». Люди, видимо, Юленькиных передач насмотрелись. Теперь все знают, что и как делать.

Малява была без подписи. Зиновий Яковлевич тоже не знал, от кого она. Какой-то мужчина оставил ее у секретарши.

Его приглашали на встречу. Ночью. В «Крестах».

В душе почему-то зародилось беспокойство, а своей интуиции он давно научился доверять. Его звериное чувство опасности никогда его не подводило, а тут оно давало сигнал, причем настойчивый, громкий…

Он не послушался его один раз в жизни – когда познакомился с Тамарой… И вот результат.

На этот раз он послушается.

* * *

– Значит, так, Митя, – сказал он драгдилеру. – Если хочешь со мной рассчитаться, ты должен сделать следующее…

Митя хотел: карточный долг – святое. И все сделал, как он сказал.

А потом он увидел, как Митя упал, тихо охнув.

Вместо него.

Глава 5

Внезапно в коридоре послышался топот ног, многострадальная дверь распахнулась, и в душевую ворвался какой-то мужик. Не в форме, как я успела заметить в то мгновение, когда он находился в луче света. Но я не успела рассмотреть ничего другого – ни лица, ни одежды. Хотя… Не роба, свитер. Значит, или из подследственных, или подсудимых. Отряд хозобслуги обязан носить робу и таблички на груди. С другой стороны, сейчас ночь, кто соблюдает эти правила? Если я сама здесь, когда мне тут находиться совершенно не положено.

Мужчина тяжело дышал. Видимо, отвык бегать. Или много бежать пришлось? Так что я все-таки успела заметить в ту секунду, когда его освещал луч света? Вроде бы не молодой или, правильнее будет сказать, не юный. Но и не старый. Или мне так показалось? Не старик – точно. Не худой, но и не толстый. Хотя скорее плотного телосложения. Рост… Метр восемьдесят, пожалуй. Где-то так. Кто он? Зачем его сюда принесло? И где контролер? Когда он меня отсюда выведет?! Как-то мне было боязно находиться в этом замкнутом пространстве с незнакомым мужиком, да еще с мужиком из спецконтингента…

Но я не была бы журналисткой, если бы на всякий случай не включила диктофон. Стараясь действовать совершенно неслышно (и вообще его дыхание заглушит звук открываемой сумки), я просунула руку внутрь и диктофон включила. Сама опять превратилась в изваяние.

Но он услышал. По-моему, обладал удивительным слухом. Или жизнь научила? Опасность обостряет все рефлексы?

– Кто здесь? – спросил он тихо, но уверенно. Голос был низкий, с легкой хрипотцой. А в голосе Сереги звучал страх. Этот же, пожалуй, никого не боялся, просто хотел выяснить обстановку.

Я решила пока промолчать.

– Кто здесь? – повторил мужчина с той же громкостью и, казалось, еще большей уверенностью.

Я затаила дыхание, а он… стал принюхиваться. Боже, тут же котлетами и колбасой пахнет! А этот зэк, конечно, их учуял.

– Ты одна? – вдруг спросил.

– Да, – пискнула я непроизвольно.

– Колбасу всю съела? – с голосе прозвучала усмешка. – Или осталась?

– Я не ела. Но больше нет. И котлеты все. – Я вздохнула.

Мужик хохотнул. Я же на всякий случай решила проверить, хотя и считала, что Серега все сожрал. Но чем черт не шутит? Я запустила руку в сумку и стала шарить.

– Ой! – сказала я. – Одна котлета есть. В салфетках осталась.

Я сделала шаг вперед, в направлении мужика и на что-то наступила. Оказалось – на «попку» колбасы, которую Серега сбросил со шкуркой. Сообщила мужику о том, что нашла и где.

– С полу есть будешь?

– Микроб – существо нежное, от грязи гибнет, разве не знаешь?

Мужик опять хохотнул и приблизился ко мне.

– Котлету дам. И колбасу. Меня не трожь, – решительно сказала я.

– Знаешь, без котлеты я как-нибудь переживу и без колбасы, тем более с микробами, а вот без женщины… Когда предоставляется такая возможность…

– Не предоставляется, – прошипела я.

– Правда?

– Не приближайся больше. На, держи котлету. Не пропадать же добру. Не приближайся! Сейчас колбасой в тебя запущу! Стой, гад!

Но он уже дотронулся до моей руки – той, которая была вытянута вперед с котлетой и колбасой. Котлету взял, сжевал. Потом съел колбасу.

– Сама готовила?

– Нет, дядя Вася.

– А пальчики твои можно облизать?

– Отвали!

– Ты еще скажи: сейчас закричу. Вот хохма-то будет. Мне-то ладно: я уже сижу. А тебя, голубу, повяжут, и придется гнить в темнице сырой. Или ты с любимым и в одной тюрьме сидеть готова?

– Так ведь тут не оставят, – заметила я. – Здесь же только мужики.

– А осталась бы? – Он опять хохотнул.

– Нет!!! Что я, сумасшедшая?

– Ты хочешь, чтобы я ответил на последний вопрос? Кстати, не ори. И вообще давай шепотом. Наверху шмон идет.

– А что случилось?

– Много чего случилось. Не твоего ума дело. Сиди и помалкивай. И молись, чтобы побыстрее разобрались, а то как ты отсюда выходить будешь? А то заломит тебе ОМОН ручки за спину, носик сломает, а потом вопросы задавать будет.

– Здесь не может быть ОМОНа, – автоматически сказала я.

Последовало молчание.

– Почему? – наконец спросил мужчина.

– Потому что если идет ночной шмон – то его проводит гуиновский спецназ. Отряд «Тайфун», про который ты-то уж должен знать, раз тут сидишь.

Мужчина опять замолчал на некоторое время, потом спросил:

– Ты кто?

– Да уж не подсадная утка или как там это у вас называется.

Он сделал шаг ко мне – я к тому времени уже давно стояла у стены.

– Не тронь меня!

– Тихо! – цыкнул он и быстро и профессионально меня ощупал, обыскал, потом дернул на себя мою сумку: – Дай сюда!

– Оставь!

– Дай, я сказал!

Он оказался сильнее. Ощупывая содержимое, хмыкал.

– Телефоном твоим воспользуюсь?

– Валяй, – сказала я обреченно. Ведь все равно же воспользуется. Спасибо, что хоть разрешения спросил. Культурный. Потом я услышала какие-то звуки, свидетельствующие о манипуляциях с аппаратом. – Эй, что ты там делаешь?

– Вынимаю твою SIM-карту и вставляю свою.

– У тебя тут своя SIM-карта?

– Помолчи, а? – Он набрал номер, отвернувшись от меня. При помощи подсветки я смогла бы хоть как-то рассмотреть его лицо, но он этого, видимо, не хотел или не хотел, чтобы я видела, какой номер он набирает. – Костя? Ящер. Меня только что хотели убить.

Я открыла от удивления рот и чуть не сползла по стеночке. А Ящер продолжал говорить дальше…

Потом он отключил телефон, вынул свою SIM-карту, вставил мою, открыл мою сумку, опустил телефон туда.

– Диктофон я выключил, – сказал мужчина.

Это вернуло меня в чувство.

– Здесь что, в самом деле труп? – одними губами спросила я.

– Ну, не здесь, если ты, конечно, никого не прирезала. Но есть труп. Молись, чтобы его не нашли, пока ты не покинешь это милое заведение.

– Так шмон не из-за него?

– Нет. Драки в нескольких хатах.

– Начались одновременно?

– Угу.

– Все специально подстроено? Чтобы тебя убить?

– Ты у меня чего, интервью берешь?

– Нет, то есть да. Ты вообще кто?

– А ты кто? По-моему, в данной ситуации я у тебя это должен спрашивать. Как ты сюда попала? И кому это так повезло в жизни? В смысле до меня?

Но на самом деле его не интересовали ответы на эти вопросы. Он опять взял сумку у меня из рук и поставил на пол. Отдать должное, аккуратно – чтобы ничего не разбить, потом взял у меня из рук куртку, которую я крепко

прижимала к себе, и бросил ее на пол.

– Давай-ка не будем терять время, ласточка, – сказал. – У нас его может оказаться совсем мало.

– Эй! – очнулась я, но больше ничего сказать не успела. Он притянул меня к себе и накрыл мои губы своими. От него, как и от Сергея, пахло все той же котлетой и той же колбасой. Но запах этого мужчины был другим… И ведь он понял, что в этом помещении находится женщина по запаху духов, – пронеслась мысль. Но от него не пахло никаким одеколоном. Свитер и волосы пропитались запахом хорошего табака. Хотя я сама никогда не курила, предпочитаю, чтобы целовал курящий мужчина. От мужчины, по-моему, должно пахнуть хорошим одеколоном и хорошим табаком. Но Ящер даже не брился сегодня: меня уколола его щетина.

– Прости, не знал, что с тобой встречусь, иначе бы побрился, – сказал он, улыбаясь в темноте, когда оторвался от моих губ, словно прочитал мои мысли. Я переводила дыхание. – В следующий раз.

«Какой следующий раз?!» – успела подумать я, а потом… потом я решила, что должна расслабиться и получить удовольствие. Ведь все равно этот мужчина возьмет меня – независимо от моего желания или нежелания. Так пусть уж лучше будет с желанием. Хоть кто-то оценит мои сегодняшние старания…

Его руки быстро расстегнули пиджачок, застегнутый после Сергея, потом взялись за блузку.

– О! – сказал он, поняв, что под блузкой у меня ничего нет, и накрыл губами мой затвердевший сосок. Я гладила его по коротким жестким волосам. – Давай-ка полежим, – прошептал он и опустил меня на куртку. Все это время его язык то касался уголков моего рта, то играл в его глубинах. Мужчина иногда слегка покусывал мою нижнюю губу, причем так, чтобы по возможности не колоть меня щетиной.

Его рука залезла мне под юбку и нащупала веревочку.

– Это что? – спросил он удивленно. – Ты в себе случайно не гранату носишь?

Я попыталась рассказать о достижениях создателей эротического белья. Но он не дал мне договорить – рассмеялся, снова поцеловал и сказал, что сам разберется. Разобрался, похохатывая. Я чувствовала, что мужику мой «сюрприз» очень даже понравился.

Сам он разделся быстро и вновь оказался рядом. Если кто-то войдет… Спецназ, например… Но в следующую минуту я уже забыла и о спецназе, и о том, где нахожусь. Этот мужик знал, что делал. Он думал не только о своем удовольствии, но и о том, чтобы удовлетворить меня. А я завелась с полоборота. Это никогда не происходило так быстро. Мне обычно нужно какое-то время, чтобы настроиться. Но тут… Истосковавшиеся по ласке тела не могли долго ждать.

К тому же – ночь, опасность, наверху бушует спецназ, в камерах – драки, мне давно пора уходить, экстремальные условия, мужчина и женщина…

Я вскрикнула, потом впилась зубами ему в плечо. Никогда раньше не замечала за собой такого. Мы практически одновременно улетели в страну неземного блаженства, время остановилось. Потом он лег на меня всем телом, ощущая каждую клеточку моего.

– Не тяжело? – прошептал через минуту, в течение которой я медленно возвращалась с небес на землю.

– Это груз, о котором мечтает каждая женщина, – сказала расслабленно.

– Каждая женщина мечтает обо мне? – усмехнулся он.

– О том, чтобы на ней лежал мужчина, с которым ей так хорошо, как мне было с тобой.

– Хм, – сказал он, потом спросил: – А с тем, кто приходил до меня?

– С ним ничего не было, – огрызнулась я. Серегу в этот момент мне хотелось вспоминать меньше всего. – И больше не будет никогда.

– Я настолько хорош, что ты готова бросить мужчину, ради которого сегодня пришла сюда? Мне, конечно, это льстит, но еще раз убеждаюсь: все вы бабы – продажные твари. Прости, конечно. Это не говорят женщине, с которой только что занимались любовью, однако…

– Я догадываюсь, что ты можешь обо мне подумать, но… По крайней мере, глупо обсуждать одного мужчину, лежа в постели с другим. Как, впрочем, и женщину. Так что давай не будем об этом.

– Прости. Я был не прав.

– Рада, что у тебя хватает мужества это признать. Обычно мужики не любят признаваться в этом.

– Ну опять ты про других мужиков.

– Ты первый начал. И я сейчас не про других, а про тебя. А он… Сволочь… Он котлеты и колбасу жрал. Когда я к нему пришла!

– «Вокзал для двоих» смотрела? – спросил Ящер – Вспомни: Басилашвили тоже вначале жрать стал, когда к нему Гурченко приехала.

– Ты, может, еще вспомнишь, как Крупская к Ленину в Шушенское приезжала? Небось проходил в школе, как он зажег свою любимую зеленую лампу и они на пару увлеклись чтением Маркса. Самое подходящее времяпрепровождение с любимой женщиной.

– Ну ты и язва. Да я б тебя, наверное, прибил, если бы жил с тобой.

– Я с убийцами не живу.

Он хохотнул.

– А тебя за что взяли? За убийство?

– Ага.

– Небось женщины.

– Ага.

– Отелло, значит. Изменила, что ли?

– Это ты заранее выясняешь, как я на измену реагирую?

– Больно мне надо знать, как ты на измену реагируешь, – хмыкнула я. – С кем хочу, с тем и живу. Кому хочу – тому даю. Я женщина свободная.

– А мне хочешь еще разок?

– Послушай, за мной в любой момент может прийти сотрудник. А мы тут в таком виде. И я с тобой, а не с…

– А вертухаю-то какое дело, с кем ты? Ему ты платила?

– Нет.

– Мужик твой?

– Нет.

– Не понял.

– Долго объяснять.

Я попыталась вылезти из-под Ящера, но не тут-то было. Он прижал меня стальными руками к полу.

– Кто ты такая? – спросил другим тоном. – Что ты здесь делаешь?

– Давай обсудим этот вопрос одетыми.

Он задумался на мгновение, потом поднялся с меня. Я отыскала разбросанные вокруг вещи, он в эти минуты занимался тем же самым. Я пригладила волосы, ощупала весь пол вокруг. Вроде бы ничего не валяется.

В это мгновение из коридора открылась дверь. Свет не достигал того места, где мы находились, но Ящер тем не менее быстро и неслышно отступил еще дальше.

– Юля! – шепотом позвал вертухай. – Быстро!

Это была Смирнова! Кому сказать – не поверят. Но тем не менее это была она. Он выяснил у прикормленных контролеров. И ведь смогла же проникнуть в «Кресты»… Стерва! Это комплимент. Молодец!

Но зачем она приходила? Что она принесла, кроме котлеток и колбасы? Могла она пронести пистолет? «Она – запросто, – сказал он сам себе. – Она могла пронести все. Все, что угодно, и в любом количестве. Могла рискнуть. И могла убить. А потом страстно отдаваться мужчине на полу в душевой… Просто любому мужчине, попавшемуся на пути. Подвернувшемуся под руку. Ей нужны экстремальные условия, суперяркие впечатления, сильные эмоции и встряски. Ей нужен адреналин».

Она чем-то похожа на Тамару. Но она сильнее Тамары, резче, смелее, стервознее. Нет, Тамара не была стервой, как Смирнова. Тамара просто… обеспечивала свое будущее. А Смирнова о будущем, похоже, не думает. Она сегодня живет полной жизнью. Запретный плод для нее крайне сладок… А незапретный ее не интересует. Она просто – такая.

Зачем ей Татаринов? Эмоции нужны? Экстрим? Он в тюрьме – она к нему. Или он ей совсем не нужен? Сам по себе? И ее нанял Сухоруков? Для проворачивания своих делишек. Татаринов – только для отвода глаз. И вся эта «любовь» – для публики? Зачем этой женщине этот мужчина? Да не мужчина, тряпка…

Только что она предпримет теперь?

И зачем она все-таки приходила?!

Глава 6

Не помню, как добралась до машины, как села за руль, как отъехала от места. Очухалась уже на другом берегу Невы, радуясь, что сейчас не лето. Летом-то у нас мосты разводят, и пришлось бы мне сидеть на правом берегу до утра. Конечно, есть катера, перевозящие людей с одного берега на другой за определенную плату, но машину-то в любом случае не переправить. Я припарковалась у края тротуара, вынула из сумки сотовый, включила, набрала Татьянин домашний.

– Ну слава богу, жива! – выдохнула соседка. – А мы уж тут с ума сходим. Ты где?

Я сказала, замолчала на мгновение и спросила, есть ли у Татьяны коньяк или мне заехать в какой-нибудь магазин «24 часа». У Татьяны была только водка.

– Юля, давай прямо домой. Водка лучше в таких случаях действует.

– Ты еще не знаешь, какой у меня случай, – ответила и поехала, поглядывая по сторонам.

У первого круглосуточного магазина притормозила рядом с двумя подержанными немецкими иномарками, вошла. Трое лиц кавказской национальности что-то обсуждали на своем гортанном языке. Увидев меня, резко замолчали и уставились. Только этого еще не хватало на ночь глядя для полного счастья. Хотя на обкуренных не похожи. Или чуть-чуть?

– Коньяк есть? – спросила я. – Только не паленый.

– Гдэ-та я тыбя выдэл, – произнес один. Я, кстати, шапочку не надевала, она, как я сейчас заметила, торчала у меня из кармана, сумка висела на плече.

Второй кивнул. Третий сделал шаг в моем направлении. И тут рядом с магазином послышался визг тормозов, и еще через несколько мгновений в помещении нарисовались двое лиц в милицейской форме.

– Так, граждане, что здесь происходит? Девушка… Вы Смирнова? – сержант узнал меня сразу.

– Вай, а мы-та думаэм, гдэ дэвушку выдэлы, – заворковал первый кавказец. – А дэвушка па тэлэвизару пра трупы гаварыт. Что хочэшь, дарагая? Каньяк? Для тыбя – самый лучший, самый свэжий…

– Коньяк лучше выдержанный, – заметил сержант.

– Будэт выдэржанный. Будэт самый лучший! Принэси! – бросил он второму.

Тот мгновенно скрылся в подсобке и вернулся с двумя бутылками. Первый взял их у него из рук и одну вручил мне («Падарак каррэспандэнтке»), вторую – одному из сержантов («Падарак защитникам»). Я сделала попытку заплатить, но все трое кавказцев замахали руками – им, как выяснилось, так приятно со мной познакомиться, что они просто не могут не сделать мне подарок, всем своим родственникам и друзьям расскажут, как я заезжала в их магазин («А мраморную доску случайно не установят?» – подумала я, но вслух ничего не сказала), и вообще они всегда будут рады принять меня – если вдруг захочу сделать об их магазине какой-нибудь репортаж.

Я поблагодарила от души (есть все-таки плюсы в известности), и мы вместе с сержантами помещение магазина покинули. Их бутылка скрылась где-то в куртке.

– Спасибо, – сказала я ребятам уже на улице.

– За что? – удивились они, потом поняли: – Мы как раз вовремя, да? А что же вы одна да в такое время?

– Так выпить хочется, – честно сказала я, – а дома ничего нет.

– Вы с работы, что ли?

Я кивнула.

– Так вы чего, с утра и до утра?

– Нет. Я – когда есть сюжет, и ждать до утра сюжет не станет. Или срываешься и несешься на место, или мое место – под солнцем – займет кто-то другой.

Сержанты с водителем, появившимся из милицейской машины, обдумали мои слова, потом кивнули, потом предложили проводить меня до дома, что и сделали. Родная милиция уберегла меня от каких-либо новых приключений в эту ночь. И даже вручила свои визитки с предложением звонить. У них, как и у меня, рабочий день ненормированный.

Ольга Петровна, лишь на меня взглянув, отправилась спать.

– Жива – и слава богу, – сказала она. – Все остальное завтра. То есть сегодня, но днем. Я уже еле на ногах держусь. Вечно с этим Сергеем проблемы.

Татьяна же направилась ко мне. Пока я отмокала в ванне, подруга приготовила закуску.

– Коньяк-то не паленый? – Она внимательно посмотрела на бутылку.

Я поведала, как он мне достался.

– В таком случае не должен быть. Ладно, давай. За свободу.

Татьяне я выдала все по полной программе. Со своими ощущениями и мыслями. Поревела в соседкино плечико, которое она мне всегда готова подставить. Опьянела я очень быстро – видимо, сказались усталость, переживания, голодный желудок: я ведь перед встречей с Серегой нормально поесть не смогла, кусок в горло не лез.

– Сухорукову звонить будешь? – спросила у меня соседка.

Я покачала головой. Если сам позвонит и спросит, скажу: больше мне встреч с «любимым» не надо. И вообще пусть делает с ним все, что хочет. Но…

– Ты теперь еще скажи, что хочешь этого второго, – хмыкнула Татьяна, разливая остатки коньяка. – Что ты в него влюбилась.

– Нет, я не влюбилась. Не такая дура.

– Правда? Я что-то не заметила. С мужиками ты, моя дорогая, прости меня…

Я предупредительно подняла руку и заплетающимся языком заявила, что мне просто интересно выяснить, кто это такой. Тот мужчина, чьего лица я даже не видела. Тот мужчина, чьего имени я не знаю. Ни имени, ни фамилии, ни отчества. Только кличку Ящер. Хотя вроде бы он плотного телосложения, а ящерицы юркие, скользкие… Или в кличке нашли отражение черты характера? Свойства личности? «Скорее последнее», – решила я и отрубилась прямо за столом.

* * *

Проснулась в своей постели, заботливо прикрытая одеялом. В окно светило солнце. Посмотрела на часы на руке. М-да, недурно я поспала. Хорошо хоть на работу ни к девяти, ни к десяти мне ходить не надо. Но тем не менее мне нужно готовить сюжеты и строчить репортажи.

И что бы мне сегодня такое забацать?

Я закрыла глаза, вспоминая прошлую ночь. А не могло ли мне все это присниться? Жующий котлеты Серега, обалденный секс с Ящером, ночное приключение в магазине с кавказцами, милицейский эскорт до дома…

И что же произошло прошлой ночью в «Крестах»? Ну, конечно, за исключением наших акробатических трюков с мужчиной, лица которого я не видела. Он вроде бы сказал, что…

Что он сказал? В нескольких хатах дрались. Что это вдруг сразу же в нескольких камерах стали махаться? Это подстроено? И Ящера хотели убить. Кто? И кто такой Ящер, чтобы специально устраивать на него покушение? Я ведь не успокоюсь, пока не узнаю. И на его фотографию хотелось бы взглянуть – чисто из женского любопытства. Ну хотя бы в фас и в профиль. Подобные снимки, конечно, не отражают истинного лица человека. Все мужчины, которых в жизни я находила очень даже симпатичными, на них получаются уродами: какие-то странные остекленевшие глаза, щеки, как у покойника. Но тем не менее снимки

дадут хоть какое-то представление.

Вопрос в том: к кому обратиться? Так, чтобы не привлечь лишнего внимания. Ведь знакомый опер Андрюша и его коллеги обязательно спросят, в связи с чем у меня возник интерес к Ящеру. А врать надо убедительно: мужики-то нюхастые, это их работа.

У Сухорукова тем более спрашивать не хочется. У Ивана Захаровича нюх еще лучше, чем у представителей органов. И он-то уж из меня всю душу вытянет. Тем более Иван Захарович знает, где я была вчера ночью и с какой целью. Он посчитает, что про Ящера мне могли рассказать или Серега, или сотрудник. В случае необходимости сможет проверить мою версию и у одного, и у второго. И что они ему скажут? И в связи с чем контролеру или тем более Сереге рассказывать мне про какого-то Ящера? Опять же должны быть веские основания. А фиг его знает, кто он такой… И в каких отношениях с Иваном Захаровичем.

Пресс-служба ГУИН? Им это выяснить сложнее, да и вообще зачем подставлять хороших людей (мало ли что) и самой засвечиваться.

Остаются… Бывшие «клиенты» учреждения, где я добровольно побывала прошлой ночью. Кого мы имеем?

Во-первых, родной дядя моей одноклассницы Ольги, старый рецидивист Леонид Петрович, к которому я уже несколько раз обращалась за консультациями. Если, конечно, Леонид Петрович снова не загремел за решетку. У него это быстро. Как-никак уже шесть раз мотал срок. А где шесть, там и семь. Но он вернулся из колонии, в «Крестах» был давно. С другой стороны, Леонид Петрович может узнать все про любого человека, находящегося в местах лишения свободы, – но на это потребуется время. Конечно, он может сразу сказать, кто такой Ящер, если это какой-нибудь вор в законе, крупный авторитет, но навряд ли…

Ящер, по идее, сейчас находится под следствием – судя по тому, что был в «гражданке». Хотя это тоже не показатель. Что он мне вчера сказал? Что убил какую-то женщину. Пожалуй, он находится в «Крестах» не очень давно. Но кому-то успел перейти дорогу – раз его пытались убить. Или перешел до того, как повязали. Поэтому и повязали.

А кому он вчера звонил? Можно ведь выяснить по номеру… Нет, не получится: он же вынимал мою SIM-карту и вставлял свою. Как же я выясню номер некоего таинственного Кости?

Так к кому же мне обратиться? Надо бы к кому-то, кто недавно вышел из «Крестов». Тогда шансов больше, что знает Ящера. Или кто такой Ящер. Так пока и не вставая с постели, я снова закрыла глаза, пытаясь вспомнить.

И мысль в голову ударила. Пахоменко. Гриша. Григорий Игоревич, рядом с которым я случайно оказалась, когда мы с Пашкой снимали сюжет о депутате Ефимове. Бывший милиционер, отбывавший наказание в «Крестах» в отряде хозобслуги. Когда на сцене выплясывали девочки, приведенные депутатом для поднятия собственного имиджа (как понимающего мужиков, волею судьбы лишенных общения с женщинами), мы с Гришей успели побеседовать. И он говорил, что ему осталось немного… Но сколько – не помню.

Потом оказалось, что вместе с Гришей работал один приятель моего знакомого опера Андрюши. Андрюха и сообщил мне тогда после того, как я проявила интерес к судьбе Григория: Пахоменко Григорий Игоревич был осужден на четыре года. Григорий Игоревич, находившийся в состоянии сильного алкогольного опьянения, сел за руль своей машины и врезался в другую машину, за рулем которой сидел сын одного крупного питерского чиновника. Сын чиновника, кстати, тоже был пьян, но он получил тяжкие телесные повреждения и два месяца провалялся в больнице, а Пахоменко отделался синяками и царапинами. Чиновник подключил к делу все свои связи и приложил немало усилий, чтобы виновник травм его сына получил побольше. По словам Андрюши, у самого чиновника такая мерзкая физиономия (правильнее было бы сказать: морда), что хоть сразу сажай. Кстати, материалы о наличии алкоголя в крови потерпевшего из дела в дальнейшем таинственным образом исчезли. Пахоменко сел.

Вот тут у меня появляется вполне реальный шанс что-то узнать. Андрюше скажу, что хочу взять интервью у недавно освободившегося человека. Вполне нормальное желание – для меня, конечно. По крайней мере, ни у кого из моих знакомых в органах (да и не только в них) оно удивления не вызовет. И в самом деле возьму интервью. У бывшего мента ведь свой взгляд, сильно отличающийся от взгляда блатного. Только поеду без Пашки. С ним в крайнем случае еще раз можно приехать. Возьму интервью для еженедельника. По желанию Григория – с упоминанием фамилии или без. А между делом поинтересуюсь Ящером. Или

даже попрошу выяснить, кто это.

Но для начала следует выяснить два вопроса: освободился ли Григорий и его номер телефона. А для этого следует позвонить Андрюше в Управление.

Я поднялась с постели – и тут же была встречена воем вечно голодного кота. Да, конечно, так поздно он еще никогда не завтракал. Хотя во сколько поужинал-то в последний раз?

– Василий, имей совесть, – сказала коту.

– Можно подумать, она у тебя есть, дорогая хозяйка, – сказал кот, легко укусил меня за икру, потом об нее же потерся и повел меня в кухню.

Кота накормила, выпила предусмотрительно оставленного Татьяной сока (трубы горели – не передать, наши люди поймут мое состояние) и отправилась умывать физиономию. Физиономией не ограничилась (в особенности после того, как увидела ее в зеркало) и встала под прохладный душ. Вернулась на кухню, сварила пару яичек всмяточку, взбила их с маслом (рецепт моего отца – он всегда эту смесь принимал после вчерашнего – пока не бросил пить), выпила, заела бананчиком (где-то читала, что очень хорошо для желудка с перепою), потом залила все это крепким чаем и поняла, что готова к дальнейшим подвигам.

Для начала связалась в Андрюшей и прямо спросила про Григория.

– Точно освободился, – сказал приятель: его друг говорил, телефон выяснит. И выяснил к вечеру.

Не откладывая дела в долгий ящик, решила встретиться с Гришей прямо сегодня. Если он, конечно, согласится. Но я умею убеждать.

Набрала номер. Подошла женщина. Я спросила Григория Игоревича. Она очень вежливо ответила, что он здесь больше не живет, и продиктовала другой номер, после чего со мной распрощалась. Набрала второй номер. Подошла старушка.

– А кто его спрашивает? – поинтересовалась она.

Я представилась старой знакомой (мы же встречались в «Крестах», но не объяснять же все старушке?), которая хотела бы увидеться с Григорием.

– Очень хорошо, что вы позвонили, – выдала бабулька. – А то я уж не представляю, к кому обращаться. Что вышел, знаете, да?

Я подтвердила.

– Девушка, а приехать можете?

– Могу, – тут же ответила я и спросила: – А что с ним?

– Что-что. Будто не понимаете, – обидчиво сказала бабулька. – Пьет он. Как и все мужики. Уже вторую неделю не просыхает. Как вышел. Приезжайте, если его любите. Ну или хотя бы… он вам небезразличен. Приедете?

– Приеду, – ответила я, попросила продиктовать адрес, схватила сумку, села в машину и понеслась.

По пути, правда, чуть не врезалась в идущую впереди машину (хотя уже давно протрезвела): порадовали рекламщики, перлы которых собирает наша главная редакторша. Я тоже подключилась к этому увлекательному занятию. У нас сейчас на обочинах много щитов красуется. Стоя в пробках и на светофорах, обычно читаю, что на них написано. Но тут сдуру прочитала на ходу (не делайте этого, граждане, аварий будет меньше!). Одна торговая компания приглашала заходить, причем не только приглашала, а завлекала: «Предъявителю объявления – скидка!» «Объявление», по моим прикидкам, было размером где-то три на шесть метров. На грузовике, что ли, его везти?

Нужный мне дом оказался пятиэтажной «хрущобой», правда, не самым худшим ее вариантом. Гриша проживал в двухкомнатной квартирке – снимал комнату у бабульки, которая и разговаривала со мной по телефону.

– Это вы звонили, да? – Она оглядела меня внимательно с головы до ног. – Молодая вы для него. Но это хорошо.

Бабулька пригласила меня на кухню, объявив: Гриша спит. Как я поняла, она хотела выяснить, кто я и достойна ли Гриши. Но из меня информацию так просто не вытянешь. Я сама имею склонность вытягивать ее из других.

Уже на кухне я предъявила бабульке журналистское удостоверение, она нацепила очки с привинченной проволочкой дужкой и долго его изучала, потом исчезла где-то в глубине квартиры (хотя слово «глубина» к «хрущобе» не очень подходит), вернулась с парой наших старых еженедельников, сверила данные с подписями под моими статьями и заявила:

– Да, я про вас знаю. Но по телевизору смотрю только сериалы. Вашу «Хронику» не смотрю. Крови много. И в еженедельнике вас не читаю. Но соседи читают и обсуждают. И смотрят. Вот им расскажу, как вы ко мне приходили…

Я спросила, кем она приходится Григорию.

Оказалось – подругой его покойной матери. Гриша вырос в этом же доме, хотя родился в какой-то коммуналке в центре. Когда его родители получили здесь квартиру, он был школьником. В каком классе, Людмила Никифоровна (так звали старушку) не помнит, это надо у самого Гриши уточнить, когда проснется. Правда, и он может не вспомнить.

Гриша был парень хороший, вежливый. Конечно, и он баловался с мальчишками, но немного. Услышав эти слова, я с трудом сдержала улыбку. И почему люди, разговаривая с журналистом, часто дают образцово-показательные характеристики тем, кто им нравится, и представляют последними негодяями и мерзавцами тех, кто им не нравится? Бабулька действовала именно так. Гриша был представлен «просто удивительным» мальчиком: почти отличником, с примерным поведением, уважающим старших. Старушка даже приплела сюда сдачу макулатуры и сбор металлолома в составе пионерской дружины. Активный общественник, всегда бравший на себя шефство над младшими, после службы в армии пошел в милицию. Защищать порядок в родном городе, бороться с хулиганами, сажать преступников. «Вор должен сидеть в тюрьме! – возвестила бабка, подняв указательный палец кверху, потом вздохнула и добавила: – Но в нашей стране почему-то сидят хорошие люди, а все преступники гуляют на свободе».

– Ну не все… – заметила я.

И мягко вернула разговор к бывшему милиционеру Григорию Пахоменко. По словам бабки, осужден он был неправильно. Пришлось еще минут пятнадцать послушать про остающихся на свободе мерзавцев (в основном чиновников и их сыночков), по которым давно тюрьма плачет, про наших родных мужиков, которым мерзавцы жизнь ломают, а затем про их баб-предательниц. Последнее меня заинтересовало: историю-то осуждения Пахоменко я уже знала от Андрюши. Бабка же теперь сообщала что-то новенькое.

Гришина жена (шалава крашеная) недолго страдала от одиночества, потом стала украдкой встречаться с любовником. Но Людмила Никифоровна ее выследила, потом высказала все, что о ней думает. Гришина жена ответила: она, мол, баба молодая, ей каждый день надо, а Гришку закрыли на четыре года. И она благородно поступает: любовника в дом не водит. Людмила Никифоровна сообщила, что у Гришеньки со шлюхой Надькой две дочери четырнадцати и двенадцати лет.

– Хороший мужик в тюрьме сидел, а эта шалава шлялась!

Примерно года через два после осуждения Гриши Надька все-таки привела хахаля в дом – на постоянное место жительства. По словам Людмилы Никифоровны, Надька-шалава купилась на деньги.

Гриша в тюрьме ничего не знал о происходящем дома. Надька ходила к нему на свидания и ничего не рассказывала. А тут он вышел – и…

Людмила Никифоровна, предполагавшая, что Григорию потребуется помощь после выхода из тюрьмы, была наготове. Тут же забрала его к себе, выделив маленькую комнату. Она уже давно собиралась ее кому-то сдать, но ведь не пустишь же в дом чужого человека? А Гриша – почти родной, сын подруги. Запой пройдет – на работу устроится, Людмиле Никифоровне помогать будет. А то на пенсию не прожить.

– А вы одна живете? – уточнила я.

– Одна, – кивнула собеседница. – Сын у своей шалавы.

Описание собственной невестки почти в точности повторяло описание шалавы Надьки. Невестке, правда, досталось побольше. Я поняла, почему ее сын с женой

проживают в другом месте.

Но мне все-таки хотелось поговорить лично с Григорием Игоревичем. Поэтому я спросила у Людмилы Никифоровны, нельзя ли все-таки разбудить Гришу.

– Пошли, – бабка поднялась из-за стола. – Помогать будешь. Я убедилась: ты – девушка приличная, в газету статьи пишешь, по телевизору выступаешь, наши все тебя во дворе знают. Ох, нашим интересно будет, что ты ко мне приходила, – повторила она. – Я всем расскажу. А ты замужем?

– Почти, – ответила я туманно и легонько подтолкнула Людмилу Никифоровну в сторону комнат.

– Гришенька, к тебе девушка пришла! – воркующим голосом объявила Людмила Никифоровна, заходя в комнатушку площадью не более десяти метров. Мебель в ней была старая, похоже, еще вывезенная из коммуналки – или так обветшала за многие годы.

Гриша лежал на продавленной тахте в тренировочных штанах и черной футболке. Несмотря на открытую форточку, запашок в комнате стоял душевный. Сразу же захотелось закусить.

– Гришуня, вставай! – нараспев произнесла бабулька.

Пахоменко буркнул себе под нос что-то неопределенное.

– Ах ты, мерзавец! – взвизгнула бабка, видимо, она смогла различить слова. – Ну я тебе сейчас покажу!

Сухонькая невысокая старушка оказалась очень сильной. Несмотря на то что Гриша был практически в два раза больше ее и по весу, и по росту, она смогла стащить его с кровати, подставила ему свое плечо и потянула в ванную. Мне приказным тоном крикнула, чтобы включала холодную воду. Я побежала вперед и включила.

Затем с Гриши быстро сняли тренировочные, семейные и футболку и его самого скинули в ванну, которая для такого тела явно была маловата. Людмила

Никифоровна окатила его холодной водой, Гриша заверещал, хотел выпрыгнуть из ванны, Людмила Никифоровна рявкнула мне: «Держи его!» – сама навалилась сверху. В итоге мы с ней тоже промокли, но результат был достигнут: Гриша вполне осмысленно посмотрел на меня. Моргнул, снова посмотрел.

– Ты?! – спросил. – Или белая горячка? – добавил более тихим голосом.

– Узнал? – проворковала Людмила Никифоровна. – Вот и хорошо. Это приличная девушка. В газете работает. По телевизору ее показывают. Я теперь смотреть буду – если только она не во время сериала идет. Ты когда идешь? Можешь там у начальства своего попросить, чтобы тебя на другое время перенесли? А ты, Гриша, знаешь, что она замуж пока не вышла? Так что ты, Гришуня, не теряйся. Тебе жениться надо. Матушка твоя покойница перед смертью меня просила за тобой присматривать. А я тоже старая. Мне вот тебя женить на хорошей девушке – и умирать можно спокойно. Гриша, ты помнишь: я не хочу, чтобы меня сжигали? Положишь меня на Серафимовском, рядом с Николаем Петровичем. Царствие ему небесное, святой человек был. – Людмила Никифоровна перекрестилась. – И закажешь нам одну плиту на двоих. Чтоб душевно написали… А то мне нынешняя плита не нравится. Я говорила сыну. А он свою шалаву послушал.

– Людмила Никифоровна, не могли бы вы мне рассольчика принести? – вклинился Гриша в эмоциональную бабкину речь.

– Да-да, конечно, милок. Понимаю, тебе надо. Сейчас-сейчас. А ты, Юля, помой-ка его пока, как следует.

И Людмила Никифоровна выпорхнула из ванны. Я стояла, прислонившись к стене с несколько обалделым видом. Мы встретилась глазами с Гришей, потом он вспомнил, что не одет, совершил странный прыжок, то есть попытался, – видимо, хотел дотянуться до своих штанов или хотя бы трусов, но поскользнулся и с грохотом рухнул в ванну, взвыл, выматерился, но больше ничего не успел – к нам ворвалась Людмила Никифоровна со стаканом рассола.

– Что такое? Григорий, ты что, к девушке приставать думал? Я понимаю, ты в тюрьме изголодался, но нельзя же так! Что девушка о тебе подумает?

– Дайте мне нормально помыться, – процедил Гриша. – Юля, выйди, пожалуйста.

– Да, правильно, – кивнула Людмила Никифоровна. – Нечего тебе, Юля, на голого мужчину смотреть. Молодая еще. И незамужняя.

Я процедила, что ничего нового не увидела, и сообщила: мне тридцать лет, после чего с большой радостью вышла в коридорчик и выдохнула воздух, приказывая себе успокоиться.

Помыв Григория продолжался минут двадцать при непосредственном участии Людмилы Никифоровны (в кухню, где опять обосновалась я, она не выходила), сквозь шум льющейся воды я слышала ее наставления Грише. Пахоменко молчал. Потом бабка, наконец, вышла – как я поняла, за чистой одеждой, еще минут через пять на кухне появились оба, причем Гриша побрился. Видимо, для представления потенциальной невесте, то есть мне.

Мы встретились с ним глазами. Я, конечно, предпочла бы побеседовать с ним без Людмилы Никифоровны, но предполагала, что это будет невозможно. Ан нет.

– Людмила Никифоровна, мне пива нужно выпить, – объявил Пахоменко. – Иначе ничего говорить не смогу.

Людмила Никифоровна попыталась его повоспитывать, но у нее ничего не получилось. Гриша объявил: идет к пивному ларьку и желает, чтобы я пошла с ним сопровождающей, – иначе он обязательно сцепится с мужиками.

– Правильно, – поддержала Людмила Никифоровна. – Сходите вместе.

Она перекрестила нас перед выходом. Гриша летел из квартиры на всех парах. Я с трудом за ним поспевала.

– У меня машина стоит за углом, – сообщила я. – Можем в ней посидеть. Или тебе в самом деле надо пива купить?

– Да нет, хватит уже. Пошли в машину.

Я вздохнула с облегчением.

– Думаешь небось: почему я у нее живу? – слегка усмехнувшись, спросил Пахоменко.

– Думаю, – признала я. – И не могу догадаться.

– А все равно мне было, понимаешь? Я как узнал, что Надька… Она ведь ко мне на все свидания ходила, передачки носила, ребята мне еще завидовали, а оказалось…

Он задумался. Мы сели в машину, я на всякий случай отъехала от дома подальше – чтобы не встретить Гришиных знакомых. Ведь Пахоменко здесь вырос и его тут знает каждая собака. А стекла у меня в машине нетонированные.

Он прикрыл глаза, потом начал говорить. О многом. О чем думал, пока у Хозяина был, о своих мечтах… Ему хотелось выговориться, причем так, чтобы выслушала его именно женщина. Общения с мужчинами за последние годы у него было предостаточно.

Он понял, насколько любит жену, только в «Крестах». А может, и полюбил ее по-настоящему только там, когда она на набережную ходила, на свиданки прорывалась. Понял, насколько нужны ему близкие люди. Самое ценное, самое дорогое, что есть у человека, – это родные и друзья. Деньги, власть, квартиры, машины, барахло там всякое – ерунда. Без всего можно прожить, человек – это такое существо, которое к любым условиям приспособиться может. Но думает о своих. Постоянно. Во сне их видит, такие детали вспоминает – сам удивляется. В тюрьме человек понимает, зачем была вся нервотрепка? Почему он когда-то проклинал жизнь? Жизнь на свободе. То денег было мало, то еще чего-нибудь. Чушь все это. Жизнь и свобода – вот что важно по большому счету.

На протяжении всего нашего разговора Пахоменко нервно курил. Он сказал, что прямо сегодня бросает пить – не навсегда, конечно, это невозможно, просто выходит из запоя. Нужно жить дальше. Ему уже работу предложили на мебельном производстве – приятель организовал, пока Григорий сидел. Вот Пахоменко к нему и собирается. Жена попросила развод, он согласился. Когда официально разведутся и она распишется с Виктором, своим нынешним сожителем, они сделают обмен: у Виктора комната в трехкомнатной квартире в «сталинском» доме. Григорий поедет туда.

Григорий выкурил еще одну сигарету, потом посмотрел на меня внимательно и спросил:

– Ты вообще почему меня нашла? Из-за интервью или интересует чего?

– Во-первых, на самом деле хотела поспрашивать для газеты. Во-вторых… Есть вопрос. Ты случайно не в курсе, кто такой Ящер?

Пахоменко уставился на меня с открытым ртом. Хорошо сигарету держал в руке в эту минуту, иначе бы она рухнула вниз и прожгла бы коврик или сиденье.

– Ты сама не знаешь, кто такой Ящер?! Юля, ты вчера много выпила?

– Пол-литра коньяка на двоих, – честно ответила я.

– Ну это детская норма, – автоматически сказал Григорий, потом снова удивленно посмотрел на меня. – Юля, я думал, если ты уж с ним не знакома лично, то уж по крайней мере знаешь, кто это.

– Знала бы – не спрашивала.

– Вообще-то он сейчас в «Крестах», – задумчиво продолжал Григорий. – Ты в курсе или и этого не знаешь?

– Это – знаю.

– Его подставили. В этом я твердо уверен. Могу для тебя все детали узнать, если тебе интересно.

– Интересно.

По признанию Григория, ему тоже. Личность Ящера занимала его давно, как, впрочем, и не только его, но и многих его коллег. Вероятно, и гражданских лиц.

Ящер, или Вячеслав Николаевич Астахов, являлся владельцем крупной сети аптек, известной каждому жителю нашего города, а также нескольких ночных

клубов. Возможно, ему принадлежит и что-то еще. Григорий все-таки на четыре года был выключен из активной жизни, но кое-какие сведения доходили и до него «за забором». Подробнее он спросит у ребят. И я могу, наверное, по своим каналам выяснить. Удивительно, что до сих пор этого не сделала.

– Пути как-то не пересекались, – честно призналась я. – Хотя фамилию слышала. Но не кличку.

– Ну, в прессе он обычно под истинной фамилией мелькает. И по телевизору, когда про него говорят, величают Астаховым, – хмыкнул Гриша. – Только не по твоей тематике. Хотя бабу-то свою он прирезал, то есть скорее за него прирезали. Ты должна была это освещать.

Я заметила, что не выезжаю на все трупы в городе – это невозможно физически. А на бытовуху – только в крайнем случае, если вообще больше показывать нечего.

Григорий посоветовал мне обратиться к кому-то из ребят в Управлении, да хотя бы к моему приятелю Андрею. Попросить у них старую сводку – трехнедельной давности где-то, может, двухнедельной. Найти следственную бригаду, выезжавшую на место. Ребята должны мне рассказать все в деталях.

– Ты внимание привлекать не хочешь? Поэтому в Управление не пошла?

Я кивнула. Четыре года тюрьмы явно научили Григория не задавать лишних вопросов – и он не задал. Я не стала предлагать никаких объяснений.

– Да вообще Ящер в тюрьме – событие. Таких обычно не закрывают, – задумчиво продолжал Гриша. – Значит, перешел кому-то дорогу. Кому-то более могущественному. А таких у нас в городе по пальцам пересчитать. Может, рука Москвы. Тоже нельзя исключать. Думаю, если попросишь у ребят информацию, их это не удивит. Как раз твоя тема. Слушай, а в прессе об его аресте ничего не было?

– По-моему, нет. Я, как ты понимаешь, слежу за всей криминальной хроникой, но мне ничего не бросилось в глаза. Правда, если промелькнуло как бытовуха, я могла просто не обратить внимания.

– Замалчивали, что ли? – задумчиво произнес Григорий. – Тогда не стоит и тебе высовываться. Или лучше позвони в пресс-службу ГУИН, с ними посоветуйся, писать тебе о нем или нет. Ты же там, кажется, всех знаешь.

Я только хмыкнула.

– Юль, человек-то серьезный. Очень даже.

– Он не первый раз «за забором»?

– Точно не первый. А вот какой – извини, сказать не могу. По-моему, раза два мотал срок. Один вроде по малолетке, второй – тоже в молодые годы. Потом бизнесменом заделался. Как и многие. Ему отсидка в карьере очень помогла.

– А сейчас ему сколько? Лет в смысле?

Гриша задумался, потом ответил, что, наверное, к сорока. Тридцать восемь – тридцать девять.

– Юль, ты не влюбилась в Ящера случайно? Он – большой знаток женского пола. Говорят, женщины – его единственная слабость.

– Я даже не знаю, как он выглядит, – честно сказала я, правда, для себя решила: фотографии Астахова где-то в прессе должны быть. Просмотрю подшивки «Делового Петербурга», «Коммерсанта» и ряда других изданий, хранящихся у Виктории Семеновны – нашей главной. Кто-то мог освещать деятельность Астахова (не криминальную) и в каком-то из изданий нашего холдинга. Только мне нужно подумать кто. Спросить у той же Виктории Семеновны. Если Ящер – известный бабник, в светской хронике должен быть. В дамских журналах. И если у него аптечная сеть и ночные клубы… Мог рекламу у нас давать. И даже появляться на телеканале. Не в «Криминальной хронике». Хотя одновременное владение аптечной сетью и ночными клубами лично меня тут же навело на вполне определенную мысль. Наркота. Легальное прикрытие и отличное место сбыта, причем свое.

У Григория я спросила, почему у Астахова такая кличка.

– Если лично познакомишься – поймешь, – хмыкнул Пахоменко.

Я хотела ответить, что уже познакомилась, но не поняла, однако смолчала.

– Весь он, как ящер, – продолжал Гриша. – Хитрый, скользкий. В крайнем случае хвост тебе оставит в руке, а сам убежит. Я вообще удивлен, что он попался. Кому-то, видимо, уж очень насолил. Кому-то не менее могущественному, как я тебе уже сказал. Хотя могла быть и баба… – Гриша задумался. – Знаешь, Юль, а я бы на бабу поставил. Вдруг какая-то из брошенных решила ему отомстить?

– Месть брошенной женщины может быть страшна и беспощадна – почти хрестоматийная истина, – улыбнулась я.

Григорий посмотрел на меня внимательно и спросил, стала бы я мстить мужчине, бросившему меня ради другой женщины. Я не стала, уже не стала, наоборот… И вот что из этого вышло. Меня аж передернуло, когда я вспомнила вчерашнюю встречу с Сергеем. Неправильная я женщина. Нужно действовать по-другому. Что-то менять в себе?

Я оставила Пахоменко все свои телефоны, включая телефон соседок, которые у меня выступают в роли секретарей, и распрощалась. Григорий обещал позвонить, как только узнает что-то об Астахове. Как раз ему занятие, пока на работу не вышел. Отвлечет от пьянки.

Григорий вылез из машины, а я поехала домой. Репортаж надо подготовить на основе беседы с Гришей, а для начала просмотреть мой личный архивчик. Заинтересовал меня господин Ящер Николаевич, он же – Вячеслав Астахов.

Он лежал и вспоминал Тамару. Как они познакомились в Мюнхене. Как она жаловалась на свою жизнь в Германии, на немцев, на своего барона. Тамара говорила, что ей так хочется русского мужика. И она вернулась вместе с ним в Россию. Как ему было приятно, что Тамара ради него бросила этого своего Отто Дитриха фон Винклер-Линзенхоффа, ведущего свой род от… Он не помнил от кого. Неважно. Важно то, что уход Тамары к нему тешил его самолюбие.

Но Костя сразу сказал, что ей не верит. Ему тоже интуиция подсказывала, но… Ему было приятно, и Тамара была такой покорной, покладистой – после истерички Светки, которую он выгнал.

Он вспомнил то, что случилось месяца два назад. Тогда к нему в квартиру пришел чистильщик. Неизвестно, знал тот мужик о существовании Тамары или нет или считал, что ее днем не будет? Или не ставил ее в расчет?

Но Тамара… Тамара пристрелила профессионального убийцу из его же пистолета! Он усмехнулся, только подумав об этом. Хотя тогда ему было не до смеха. Чистильщик приходил за ним. Таких не посылают к девчонке…

Она позвонила ему на мобильный и просто сказала:

– У нас в квартире труп. Приезжай.

Он тут же сорвался вместе с Костей. Потом они пригласили еще парочку ребят, и к вечеру трупа в квартире уже не было. За ним никто не приходил, ментов не вызывал. Да менты спасибо должны ему сказать… То есть Тамаре. За обезвреживание особо опасного рецидивиста. Хотя они, пожалуй, скажут… Жди больше.

– Как ты смогла его убить? Это же профессионал! – восклицал тогда Костя.

– Но он же – мужчина! – возразила Тамара.

Четверо представителей сильного пола, находившиеся в квартире, напряглись.

– Что ты хочешь этим сказать? – спросил он у Тамары.

– Как что? Он – самец, а я – самка. Красивая самка, не правда ли?

– И что ты сделала?

– Минет глушителю.

Они тогда вчетвером сыграли финальную сцену из «Ревизора». Без репетиции.

А Тамара рассказала, как упала перед чистильщиком на колени, как взяла холодный предмет в рот и представила, что это кое-что другое… Мужик, по всей вероятности, тоже представил: потому что у него чуть не треснули брюки. Ну он и спустил их…

Костя тогда опять предупредил его. Тамара, справившаяся с профессиональным киллером, – не просто глупенькая моделька. И Костя оказался прав. Он сам должен был все понять раньше. Тогда сейчас не парился бы в «Крестах».

А Смирнова дала бы себя убить?

Он выругался про себя. Эта стерва опять лезла в голову, вымещая оттуда Тамару. Хотя… Тамара мертва, ее не оживить. Смирнова жива, и очень даже. Такую не забудешь. Она о себе напомнит. По ящику. В газете. Или лично.

* * *

Сергей получил очередную маляву. В ней опять был приказ. «Это твой последний шанс на освобождение», – говорилось в конце. Ему было трудно принять решение. Он колебался. Но желание вырваться из этих треклятых стен победило.

Глава 7

Татьяна видела из окна, как я ставлю машину, и уже ждала меня на лестничной площадке.

– Ну как, отошла после вчерашнего? – спросила подруга первым делом, ко мне внимательно приглядываясь. У нее родной брат умер от цирроза печени, так что Татьяна теперь опасается, как бы кто-то еще из близких ей людей не спился.

Я кивнула. Татьяна прошла вслед за мной в квартиру и велела мне отправляться в душ. Она сама разогреет мне еду, которую сегодня сготовила и поместила мне в холодильник, – у Татьяны с Ольгой Петровной есть мои ключи, и дамы активно беспокоятся о моем питании, зная, что, если бы не они, я ела бы только полуфабрикаты, ну и макароны с тушенкой. Разнообразное питание только у моего кота. Долг перед животным – святое, а сама как-нибудь перебьюсь. Соседок же мое здоровье волнует гораздо больше, чем меня саму. Родителей, правда, тоже, но родители живут на другом конце города и физически не могут активно участвовать в моем кормлении, правда, когда мы созваниваемся, первым делом спрашивают, что я ела. Но я – человек творческий, воображение у меня работает прекрасно, а если требуется обеспечить спокойствие любимых родителей – такого нафантазирую…

Когда вышла из ванной и уже собиралась завернуть в кухню, услышала непонятные странные звуки за стеной – в квартире Стаса, с которым у нас общая стена коридора и моей большой комнаты.

– Таня, – позвала соседку. – Что там у нашего друга делается?

Стас у нас большой спец по женскому полу, правда, он на женщинах делает деньги, вернее, живет исключительно за счет них и общается только с дамами старше себя, обычно с теми, кто годится ему в матери, если не в бабушки.

– Ой, я же забыла тебе рассказать! – всплеснула руками соседка. – Еще вчера. Но мы тут все закрутились с этой твоей ночной вылазкой…

– Ну?!

– Иди ешь, а я рассказывать буду.

Как оказалось, в родную квартиру вернулась Дашка, младшая сестра Стаса, модель по призванию и образу жизни, которую, по всей вероятности, выгнал очередной спонсор. В периоды «междумужья», как их называет сама Дашка (правда, замуж ее пока никто не брал, только некоторые позволяли временно пожить у себя и потом не знали, как отделаться), она живет у брата и дико с ним конфликтует. Вся наша панельная девятиэтажка сотрясается.

– Так они вчера поссорились или как?

– Ты отсутствовала в пик скандала, иначе бы не спрашивала, – хмыкнула Татьяна. – А тут такое было… – Она закатила глаза. – Из соседнего подъезда приходили. – Татьяна хихикнула. – Юль, Дашка не одна вернулась.

– Она что, ребеночка родила? Не может быть!

– Какой ребенок? Она с пингвином приехала.

– С кем?! – плохо нанизанный на вилку кусок мяса шлепнулся на пол – я не успела поднести его ко рту и поймать на лету. Подхватил Василий. Остался доволен. – С кем она приехала?!

– Ты не ослышалась. Это он купается. – Татьяна кивнула в сторону коридора, где из-за стены продолжали доноситься непривычные звуки.

– Где он купается? – спросила я, немного придя в себя.

– В ванне. В холодной воде. Мы вчера смотреть ходили. Жрет рыбу, раза в три больше твоего кота.

– Если такое возможно. – Я бросила взгляд на Василия, дежурившего у стола в ожидании мяса. Вслед за взглядом бросила второй кусок. Василий и его мгновенно проглотил. Татьяна, наблюдавшая за процессом, сообщила: Хрюша точно так же заглатывает целого минтая.

– Кто? Его еще и Хрюша зовут?

С другой стороны, у нас во дворе целых два Чубайса – оба беспородные, но рыжие, на лестнице есть коты Клинтон и Черномырдин.

Я спросила, не знает ли соседка, где Дашка взяла пингвина. Оказалось, ее последний спонсор, в свое время следуя моде на экзотов, из всех предложенных продавцом выбрал пингвина. Змей и крокодилов не захотел, и вообще змеи и крокодилы уже жили у кого-то из его знакомых, а вот пингвина не было ни у кого. Но, по всей вероятности, за годы совместного проживания пингвин хозяину здорово поднадоел, и тут он решил сразу убить двух зайцев. Дашке сказал, что делает ей подарок на память – чтобы, глядя на Хрюшу, она вспоминала о

совместном прошлом с его бывшим хозяином.

– Предполагаю, вспоминать придется Стасу, когда Дашка съедет к очередной своей жертве, – заметила я. – И Стас будет нас с тобой и Ольгу Петровну просить покормить Хрюшу. С ним случайно гулять не надо?

– Насчет гулять – не знаю, но уж Стас-то точно пингвина пристроит. Кому-то из своих дамочек.

– Твоя правда, – согласилась я, после чего подробно рассказала о своей встрече с Пахоменко.

– М-да, – только и выдала Татьяна. – Жалко мужика. Кстати, лет ему сколько?

– Ты для себя приглядываешь? – Я задумалась, но не о возрасте Пахоменко. – А вообще-то надо вас познакомить. Когда он что-то раздобудет, я его на чай приглашу. А ты ужин сготовишь. Дальше – по обстоятельствам.

– Ты только уточни у него заранее, любит ли он змей, – улыбнулась Татьяна. – И пропусти как-нибудь вскользь, что у меня их шестьсот. Почему я никак не могу найти мужика, чтоб и меня любил, и моих пресмыкающихся?

– Женщину свою под сплав пустить[2 - Пустить под сплав(блат.) – умышленно оговорить, предать (прим. автора).] – последнее дело, – сказал Иван Захарович, когда Юлькина передача закончилась и Лопоухий выключил телевизор.

– В елочку, – кивнул Кактус. – Ну наплел бы ментам чего-нибудь, лапши навешал… Сука он!

– Так, может, поругались они? – подал голос Лопоухий.

– Поругались – не поругались…

Иван Захарович замолчал надолго, потом спросил:

– Выяснили: Татаринов на три косточки играл?[3 - Играть на три косточки – на жизнь другого человека. Проигравший должен его убить (прим. автора).]

– Он вообще не играет, – сказал Лопоухий.

Глава 8

На следующий день с утра я созвонилась с нашей главной, Викторией Семеновной, и получила ЦУ. К вечеру мне следовало подготовить что-то для эфира. Виктория Семеновна в свом обычном стиле просила побольше кровушки и побольше секса, причем обязательно что-нибудь с изюминкой. «Нужен оригинальный подход, тогда тебя будут смотреть (читать)», – любит повторять наша главная. Директор холдинга тоже иногда лезет в творческий процесс, но Виктория Семеновна обычно посылает его подальше, рекомендуя заниматься своими вопросами (финансово-организаторскими), которые у него получаются гораздо лучше, ну и, конечно, своими блондинками. У него, кстати, на этой неделе опять новая секретарша: волоокая блондинка с длинными ногами и короткими извилинами (или вообще полным их отсутствием – я пока не разобралась и, судя по скорости замены секретарш в нашем холдинге, пожалуй, не успею).

Пока собиралась позвонить Андрюше в Управление, чтобы взяли с собой на какой-нибудь труп, милый друг прорезался сам, причем несколько необычно.

– Ты что, совсем охренела? – рявкнул он вместо приветствия.

Я опешила. Знакомый опер отличался кротким нравом (по крайней мере, в общении со мной), жил с мамой (после того, как жена уехала на «Мерседесе») и вообще являлся хрестоматийным подкаблучником. Однако это не мешало ему быть хорошим опером. Работу он свою любил и проводил на ней большую часть суток, в особенности после ухода (отъезда) жены.

– А я тебе сама звонить собиралась, – сказала я ласково. – Видишь, как биотоки передаются. Правильно экстрасенсы уверяют…

Андрюша не дал мне договорить – завопил истошным голосом. Разумное зерно мне из его эмоциональной речи вычленить удалось. Он хотел немедленно видеть меня в Управлении.

– Сейчас приеду, – спокойно ответила я, повесила трубку и набрала Пашкин номер.

Оператор тоже меня обматерил – но для него это обычное дело, я удивилась бы, если бы он с утра стал со мной вежливо разговаривать. Правда, было уже начало двенадцатого, но для творческих людей, каковыми являемся мы с Пашкой, – раннее утро.

– Опять из-за тебя порезался! – рявкнул Пашка, еще кое-чего добавив. – Вечно звонишь, когда я бреюсь.

– Можешь не бриться – ты с другой стороны камеры. И вообще, трехдневная щетина придает мужчине шарм.

– Но не с моей рожей, – самокритично заметил Пашка. – Когда быть готовым?

– Выезжаю через десять минут.

Пашка уже ждал меня у своего подъезда, быстро загрузился и попросил по пути остановить у какого-нибудь ларька. Я и так собиралась это сделать (мы с оператором не первый день знакомы), коллега затоварился пивом, и я понеслась к Управлению.

Когда мы уже подходили к двери, из нее вышел известный певец Артур Небосклонов – в одиночестве, без поклонниц и репортеров. Или это его двойник? Аферист, которого приглашали для дачи показаний? До этого момента мы с Небосклоновым никогда не сталкивались лицом к лицу.

Певец заметил нас с Пашкой, вернее меня, и стал внимательнейшим образом приглядываться. Видимо, хотел удостовериться, я это или нет. Мы с ним встретились глазами. Я не стала изображать ни бурного восторга, ни желания взять автограф, а тем более – отдаться, что некоторые девушки почитают за честь. Никогда не страдала от неразделенной любви к актерам, танцорам,

певцам и прочим творческим людям. Предпочитаю как раз не творческих, а деловых. Хотя что из этого получается…

– Вы – Смирнова, да? – робко спросил певец, если, конечно, это был он.

– Предположим.

– Вы с оператором? – Он увидел камеру в Пашкиных руках.

Я молчала. Пашка извлек из кармана банку пива и отхлебнул.

– Простите, а мне можно глоток? А то после посещения этого заведения.

Пашка протянул ему банку. Певец, известный своими шумными дебошами, сделал два больших глотка, пожелал Пашке всех благ и побольше, потом снова повернулся к моей скромной персоне и заявил, что как раз я-то ему и нужна.

– Я вообще-то не по вашей части. Вам нужно к Димону Петроградскому. Могу дать телефон. И даже сама позвоню. – Я предполагала, что Димка может обрадоваться, если я для него договорюсь об интервью с этим типом. Хотя в душе Димка презирает героев своих репортажей, но работа есть работа. И к ней ведь можно относиться с чувством юмора.

– Нет, вы не поняли, – вздохнул певец. – Мне именно к вам. Я не насчет себя. Насчет другого человека.

Я толкнула Пашку в бок. Он тут же приготовил телекамеру.

– В общем, вы сами все смонтируете потом, – продолжал певец, быстро собравшись и выдав в камеру дежурную улыбку.

– Вас вызывали повесткой? – я тоже теперь выступала в своей журналистской роли. – Или просто пригласили для разговора?

– Нет, я сам приходил просить за одного очень уважаемого человека, даже не просить… я неправильно выразился. Приходил сказать, что готов поручиться за господина Астахова Вячеслава Николаевича, известного в нашем городе

бизнесмена и мецената.

«Так, это уже становится интересно», – подумала я. Вслух спросила, что побудило известного певца к таким действиям. Небосклонов, по его собственному признанию, отправился в Управление сразу же, как только узнал, что господин Астахов томится в застенках. А томится уже не первый день, и это почему-то скрывалось от широкой общественности. Теперь общественность в лице Небосклонова выражала свое возмущение. Пока в мягкой устной форме. Если же Астахова не выпустят в ближайшее время – выразит бурно.

– Юлия… простите, как отчество? Почему вы-то не сообщили людям, что Астахов в «Крестах»?

Я заметила, что моего эфирного времени просто не хватит для того, чтобы сообщать людям обо всех, кого поместили в «Кресты». Во-вторых, я сама совсем недавно узнала о том, что Астахов находится там. В-третьих, я не даю подобных сообщений в своих программах. О заключении под стражу сотрудники органов сообщают родственникам. По крайней мере, это их обязанность.

– Значит, об аресте Астахова специально замалчивалось? – задумчиво произнес Небосклонов, как бы разговаривая сам с собой. – Значит, ему в самом деле просто шьют дело? Хотят избавиться от хорошего человека?

– А почему вы так думаете? – встряла я.

– Ну как же?! Я лично знаю Вячеслава Николаевича. И его знают многие из моих друзей. Некоторые уже приходили сюда и придут еще. Мы организуем митинг. Надеюсь, его-то вы осветите?

Я обещала пренепременно это сделать и вручила певцу свою визитку, чтобы оповестил о месте и времени проведения.

Небосклонов сказал мне, что Вячеслава Николаевича обвиняют в жестоком убийстве любимой женщины – той, с которой он жил. По мнению певца, Вячеслав Николаевич никак не мог убить женщину. Он, конечно, вообще никого убить не мог, но женщину – точно. Он очень любит женщин – всех, и я могу спросить о нем любую модель, актрису или певицу. Они подтвердят.

«Ящер что, у нас в городе уже всех моделей, актрис и певиц перетрахал? – подумала я, но вслух ничего не спросила. – Тогда что этому певцу неймется? Ладно бы тут бабы на стены Управления бросались или орошали их слезами, но этот-то – мужик. По крайней мере, внешне».

Певец сам ответил на мой незаданный вопрос. Оказывается, у него без спонсорской поддержки Ящера могут сорваться гастроли. Как, впрочем, и у многих других. Так что Вячеслава Николаевича нужно вытаскивать из тюрьмы, причем чем быстрее, тем лучше. И Небосклонов несколько минут назад пытался объяснить людям из органов, что они ошиблись. Убийство совершил кто-то другой и просто подставил Вячеслава Николаевича, видимо, желая убрать его с дороги. Вячеслав Николаевич так любил Тамару, что – певец уверен – теперь долго не сможет смотреть ни на одну женщину, в особенности после такого стресса. Потерять любимую и тут же угодить в тюрьму по ложному обвинению. Не всякий выдержит. Человека надо спасать! В особенности страдающего невинно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Волына(блат.) – пистолет (прим. автора).

2

Пустить под сплав(блат.) – умышленно оговорить, предать (прим. автора).

3

Играть на три косточки – на жизнь другого человека. Проигравший должен его убить (прим. автора).

Купить: https://tellnovel.com/ru/zhukova-gladkova_mariya/princ-s-opasnoy-rodoslovnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить